

Лев Пучков
Триумфатор
Серия «Русское Бюро», книга 3

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=171775
Триумфатор: Эксмо; М.: 2008
ISBN 978-5-699-31146-0*

Аннотация

С недавних пор команда полковника Иванова стала называться экспертно-аналитическим бюро. Но ее стихия по-прежнему – война. Теперь с наркомафией. И за работу команда взялась столь активно, потревожила таких больших людей, что одна очень обиженная организация пошла на похищение единственной женщины команды – Лизы Васильевой. Бойцы команды Лизу освободили, причем без всякой жалости к похитителям, и этим подписали себе приговор. Теперь их наверняка «зачистят». Есть, правда, один вариант, очень трудный, но верный. И команда приступает к своей самой рискованной и самой жесткой операции...

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	23
Глава 3	37
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Лев Пучков

Триумфатор

*Куда бегут шершавые мужчины?
(Пара слов о новом виде спорта «Метание диска в глубину»)*

Здравствуйте, уважаемый читатель.

Вы держите в руках последнюю книгу трилогии «Неприкасаемые». Если вы не читали первые две книги – «Жесткая рекогносцировка» и «Тактика выжженной земли», нижеприведенная информация может оказаться для вас полезной.

Итак, слушайте коротенькую сказку о суровых реалиях нашей с вами страны.

Жил-был господин Зубов. Очень большой и влиятельный человек, и, как водится – мерзавец редкостный. А как вы хотели? Можете себе представить, какими качествами должен обладать товарищ, пробившийся в первую десятку самых могущественных персон России, через какое количество трупов перешагнуть, скольких близких предать – это же уму непостижимо!

Короче говоря – столп Российской империи. Ни убавить ни прибавить.

Наверное, дальнейшая судьба этого столпа была бы во многом схожа с судьбами иных серых кардиналов России, о которых мы узнаем только по прошествии значительного срока после того, как эти «двигатели истории» уходят из жизни.

Но случилось так, что на семью Зубова обрушилась страшная беда: его дочь – самый любимый в мире человек, единственное существо, ради которого, собственно, он и жил на этом свете, по какому-то чудовищному недоразумению умерла от наркотической передозировки...

Зубов тяжело и мучительно переживал потерю. Обладая чудовищной жизнестойкостью и титаническим упорством, этот человек не стал стреляться и, вопреки старой доброй русской традиции, не ушел в запой.

Вместо этого он решил уничтожить зло, которое отняло у него ребенка. Как человек системы, Зубов прекрасно понимал, что затея эта – бредовая и во многом даже самоубийственная, но, обладая немалой властью и могущественными силовыми рычагами, решил идти до конца. Образно выражаясь, «включил викинга»: топаем прямым ходом в Валгаллу, но отнюдь не в гордом одиночестве, а прихватив по дороге как можно больше врагов. Что может доставить воину большее наслаждение, чем лицезрение остывающего трупа врага? Лицезрение сотни трупов. Если уж помирать – так с музыкой и при значительном скоплении скоропостижно отдающих концы супостатов.

Если бы такое решение приняли вы или я – простые обыватели с охотничьим ружьем и набором самозатачивающихся кухонных ножей, – толку от этого было бы немного: нас с вами даже к самому плохонькому «барону» на пушечный выстрел не подпустили бы.

Но Зубов, напомню, – столп.

Собрал этот столп вокруг себя единомышленников (надо сказать – немало таких оказалось, которым вся эта «дурь» надоела хуже горькой редьки), начал двигать Закон о психоактивных веществах и проводить эксперимент на основе имеющегося в мировой практике опыта борьбы с наркомафией.

В рамках эксперимента было создано управление, не подчинявшееся ни одному силовому ведомству страны, которое замыкалось напрямую на предсовбеза. Да, тут немаловажная деталь: предсовбеза являлся близким другом Зубова.

Задача управления была сформулирована просто и четко: уничтожить наркомафию в отдельно взятом административном районе. Обкатаем модель, если получится – запустим в массовом порядке по всей стране.

В качестве полигона выбрали университетский городок, который по странному стечению обстоятельств (а может, и не такому уж странному) располагается рядышком с одним из самых известных в России центров наркоторговли.

Контингент для управления подбирали исключительно из самых «отмороженных» сотрудников разных ведомств, имеющих опыт «служебного убийства», трения с системой на почве принципиального отношения к делу и не связанных семьями.

Что значит – «отмороженных»? Вот вам пара примеров.

Андрей Горбенко, балашихинский опер, детдомовец, холост, безоговорочно приговоренный «истребитель воров». Работает в связке с «близнецами» Витей и Виталием – тоже детдомовцы, опера и опять же, заметьте, имеют опыт результативного применения оружия на службе.

Гриша Собакин – бывший борец с оргпреступностью, бывший сотрудник ФСКН, с последнего места службы изгнан за бунт против системы. Холост, сирота, имеет опыт результативного применения оружия на службе...

Сергея Разуваев, командир спецназа управления – скажем одно: на все операции ходит без маски. Товарищ сделал так много полезного для страны, что маска ему уже не поможет...

Всех этих результативных, принципиальных и странно одиноких людей собрали в кучу, поселили в охраняемом городке, поставили задачу и наделили поистине безграничными полномочиями.

Работайте, ребята. Наркомафия в этом районе должна быть уничтожена. Какими методами вы будете для этого пользоваться – ваше личное дело...

Итак, на протяжении первых двух книг трилогии мы с вами пытались проследить за деятельностью этого загадочного управления. Впрочем, не только мы с вами: деятельность управления совершенно случайно заинтересовала «Русское бюро», также известное как «Команда № 9». Просто получилось так, что в один прекрасный день спецы управления ненароком исполнили самого важного и полезного «объекта», которого «Бюро» долго и успешно разрабатывало на предмет стравливания двух огромных этнических группировок. Ребята из Бюро, желая разобраться, кто же это так странно шутит, не придумали ничего лучшего, как умыкнуть с территории управления диск с информацией особой важности.

Акция прошла успешно, но полезной ее назвать можно было лишь с огромной натяжкой. Дня через три руководство управления и Бюро полюбовно «разрулили» этот вопрос, и диск с извинениями вернули обратно. А ретивых хлопцев из Бюро вежливо уведомили, что с сего момента они автоматически попадают в реестр «нежелательных свидетелей», поскольку на протяжении трех суток имели доступ к источнику данных, содержащему компромат буквально на всех представителей верхнего эшелона власти. И теперь им надо молиться, чтобы «фракция» Зубова в целом и управление в частности существовали как можно дольше. Потому что при насильственном упразднении этих двух составляющих безумного крестового похода против наркомафии в первую очередь вспомнят о тех, кто имел доступ к информации особой важности.

Ну вот, собственно, и вся сказка. Последняя книга трилогии расскажет вам о завершающей фазе успешного эксперимента по уничтожению наркомафии в отдельно взятом административном районе. О перспективах применения такого опыта в масштабах страны. И о последствиях нездорового любопытства ловких товарищей из «Русского бюро»...

С уважением,

Лев ПУЧКОВ

Глава 1

Управление «Л»

*Некоторые события, описанные в книге, выдуманы.
Названия ряда населенных пунктов, учреждений и организаций
намеренно изменены.
Изменены также многие фамилии, встречающиеся в тексте.*

Утром 2 сентября мы с «близнецами» натошак выпили кофе и поехали на смотрины в Плотину. Мы – это я, оперуполномоченный управления Андрей Горбенко, и наши же опера Виталий Белов и Витя Семенов, действительно похожие друг на друга.

Если кто подзабыл, я освежу ваш фольклорный багаж: раньше, в незапамятные времена, в числе прочих русских традиций было такое замечательное мероприятие, когда родовичи собирались в кучу и всей толпой шли смотреть на невесту. И вовсе не любопытства ради, а пользы дела для: ежели вдруг девица окажется хромой, горбатой, да к тому же еще ненароком страдает кликушеством – не брали. И правильно: кому надо такое добро?

«Невесту» нам сосватал один добрый камрад в благодарность за «клинические» процедуры. А мы непривередливые, возьмем с любыми огрехами. В нашей ситуации особо выбирать не приходится...

Плотина – небольшой поселок в двенадцати километрах от Черного Яра. До недавнего времени градообразующим предприятием здесь была собственно плотина, которая является стратегическим объектом. Если враг будет наступать, плотину рванут, и весь Черный Яр с его жуткими секретами в мгновение ока окажется под водой. При этом область останется без воды, поскольку водохранилище перестанет существовать, но эта мелочь мало кого волнует: главное, чтобы врагу не достались секреты. Пойдите потом, поныряйте за ними на тридцатиметровую глубину, супостаты звездно-полосатые!

Некоторое время назад какой-то умник придумал построить в Плотине стандартный филиал торгового комплекса «Мега». А еще большим умником был тот, кто дал разрешение на строительство одного филиала в такой опасной близости от стратегического объекта. Теперь весь Черный Яр регулярно ездит сюда отовариваться, а батальон охраны перманентно пребывает в режиме усиления и потеет от страха. Потому что все черноморские торговцы люто ненавидят «Мегу» и мечтают ее взорвать. Или как минимум по старой доброй русской традиции пустить «красного петуха».

Для нас же эта самая Плотина примечательна тем, что именно здесь в свое время ныне покойный товарищ Исаев показательно рассчитал питерских «экстазистов». Занятно, правда? Нет, я не утверждаю, что это напрямую связано с нашей ситуацией, но... Согласитесь – очень уж многозначительное совпадение.

Машину поставили на парковку, сами прошли в торговый комплекс, поднялись на третий этаж, почти полностью посвященный чревоугодию, взяли в одном из трех десятков кафе еду и присели за столик поближе к центральному входу. Бегать по комплексу на предмет рекогносцировки нам не надо: вчера вечером приезжали, неспешно все осмотрели и даже план составили, на случай непредвиденных изменений обстановки.

Жующей публики было немного: день только начался, большинство из тех, кто собрался сегодня избавиться от лишних денег, еще не проснулись. Обшарив взглядом огромный зал, я не обнаружил нашего информера и решил на скорую руку развлечься экспресс-анализом.

Из присутствующей массовки бегло отфильтровал всю «некондицию» (кондиция – половозрелая особь мужеска полу до тридцати лет) и, похрустывая невкусной жареной картошкой, принялся перебирать претендентов на роль основного злыдня дня.

– Согласен, – поддержал Виталий, отметив направление моего взгляда. – Пухлый прыщ с девахой – самое то.

– Аргументы? – лениво подключился Витя.

– Ведут себя так, будто чего-то сперли. Или планируют какую-то гадость.

– Нет, это вряд ли, – возразил Витя и, едва заметно кивнув в противоположную сторону, вынес вердикт: – Вон туда гляньте. К гадалке не ходи – кто-то из этих студентов. А может, все сразу. За километр же видно – полжизни на «колесах».

– А я думаю – вон тот парнишка, – сказал я.

– Почему? – заинтересовался Витя. – Чем он тебе не понравился?

– Да нет, ничем таким особенным. Ну просто – интуиция.

– Нет, ну почему, объясни?

– Потому что он начальник, а мы – дурак, – хмыкнул Виталий. – И ему виднее...

Претендентов было пятеро, и все они имели примерно равные шансы на победу в моем необъявленном конкурсе под лозунгом «Привет, курьер, – веди к барыге!».

Через три столика от нас нервно поела мороженое молодая пара: чрезвычайно прыщавый рыхлый толстячок, внешне похожий на Гайдара (но не того, что на коне и с шашкой, а более позднего, который много ел и мало двигался), и готического вида девица с густо напудренным личиком. Девица смотрела на толстяка взглядом голодной кобры и эпизодически бросала реплики. При этом ее губы, напомаженные радикально фиолетово, вели себя как брошенные на раскаленную сковороду пиявки. На миг мне даже показалось, что слышу шипение и ощущаю аромат горелого мяса.

Толстяк молча лопал мороженое, посматривал на часы и все время возвращался взглядом к центральному входу. За минуту он дважды промокнул платком лоб. Между тем в зале было довольно прохладно, да и мороженое – отнюдь не то блюдо, что может вызвать обильную испарину.

Через два столика от толстяка с девицей и чуть левее от нас заседала троица вполне студенческого обличья. Одеты недорого и безвкусно, стрижены абы как, пьют дрянное пиво с такими же чипсами, но перед каждым на столе, как неперменный атрибут принадлежности к ожиревшей умирающей цивилизации, – «навороченный» мобильник. Все трое явно чем-то озабочены, регулярно озираются (можно даже сказать – с каким-то нездоровым подтекстом озираются) и бросают полные воцеления взгляды на центральный вход. Кто из них основной? Выделить кого-то довольно проблематично: какие-то они одинаковые, словно в одном инкубаторе сделаны.

Пятый претендент – одинокий парнишка едва за двадцать. Сидит далеко от нас, ведет себя прилично: спокойно завтракает, неторопливо листает какой-то разноцветный журнальчик из местной бесплатной рекламы, резких движений не делает.

Почему обратил на него внимание? Да так – показалось мне, когда зашли, что глянул он на нас как-то по-особому. Этак оценивающе, опытным взглядом, нетипичным для такого салаги. Других претензий нет.

В общем, в плане выбора злыдня дня я так и не определился. Да, было одно конкретное уточнение: «крепкий» – но наш информер весит сорок пять, может при случае спрятаться за швабру и для него любой человек нормального веса выглядит вполне крепким.

А мне тут все понравились – оптом бы арестовал да пообщался в рамках темы. И еще, вполне вероятно, что нашего объекта вообще здесь нет. Ну, мало ли – не подъехал еще, заболел, умер, внезапно и резко исправился.

Вот этим и интересны такого рода оперативные этюды. Когда ты при наличии минимального набора исходных данных и примерно равных по значимости объектов решаешь задачку задолго до подтверждения информера – чувствуешь себя потом таким гением и матерым сыщиком. Самому приятно. А если и промазал – ничего страшного, досадно, но не смертельно. Со всяким может случиться, ну не гений я, что тут поделать...

Пока информера нет, в двух словах обрисую ситуацию, сложившуюся в Черном Яре за последние две недели.

Ну, ничего так ситуация – вполне даже обнадеживающая и перспективная (тьфу три раза). Тяжелыми наркотиками никто не торгует, все местные камрады прилежно посещают нашу клинику, тутошняя чиновничья банда притихла и со злобным бессилием ожидает дальнейшего развития событий.

А вот с «экстази» беда – с недавних пор какие-то злыдни регулярно торгуют мимо нас. Прямо на дискотеках. Пока все силы были брошены на основное направление, мы как-то не обращали внимания на эти детские шалости. А сейчас немного разгрузились и решили заняться: а то ведь оборзуют, если пустишь на самотек, начнут тут развиваться вишь и вглубь.

Собакин по этому поводу заметил:

– Все-таки дурной у нас народ. Понимают только, когда кувалдой – да по башке. Баловней по «снежку» предупредили чисто по-человечьи: не надо ездить, убьем. Все равно приехали! Убили. Теперь никто не ездит. Геродотов всех этих долбануток тоже предупредили: прекращайте, а то убьем. Не поверили! Опять убили. Все – как отрезало, ни одна сволочь не лезет. Ну и что теперь, мать их экстазную – этих тоже завалить, чтобы никто не ездил?! Вот же дебилы – просто зла не хватает...

Собакин, конечно, товарищ своеобразный, но в его словах есть определенный резон. Народ у нас жуть какой упрямый. Пока самолично не удостоверятся, что овчинка выделки не стоит и за малый вес можно схлопотать пайку свинца, – будут возить и торговать. И что характерно: память у них короткая, что ствол моего табельного оружия. Трех лет не прошло, как Исаев шлепнул двоих барыг вот в этой же Плотине. Это что же теперь, каждому новому начальнику местной госкомдури показательно валить по паре удонов на всеобщее обозрение?! Жадные тупые ублюдки, больше и сказать нечего...

Пара слов о сегодняшней теме.

Информера нашего зовут Степой, трудится он уборщиком в обеденном зале «Меги». Утром позавтракав в пятницу ходил Степа по залу, еще не «вставленный», мрачно размышлял о насущном и мимоходом забрал отставленный в сторону поднос с недоеденным завтраком у попивающего кофе и читающего газету хлопца. А хлопец то ли планировал добыть жирную сосиску, то ли просто не в духе был – прицепился, короче, и давай пилить уборщика за бесперемонность. В общем, рассказал ему все, что думал.

Степа перечить не стал – моментом вылетев с работы или, паче чаяния, из окна третьего этажа (хлопец заводной и на вид вполне крепкий – хилому камраду с ним не тягаться), но злобу затаил.

В воскресенье Степа с двумя другими камрадами плавал на дергаче «Падучая Звезда» (натурально – плавал, это пароход, оборудованный под дискотеку) и вдруг заметил там своего давешнего обидчика.

Ага! Давай, говорит камрадам, ввалим этому парнокопытному «по самое не горюй» – нас трое, справимся.

Да запросто – согласились камрады.

Поймали момент, когда хлопец пошел в направлении ватерклозета, выждали минуту и увязались было следом – а он возьми и вернись обратно. Быстрый олень!

Минут пять проходит – опять туда же порулил. Через минуту вернулся. Что за беда такая?!

В общем, не буду растягивать – проследили они за ним и выяснили, что хлопец прямо под лестницей толкает «витаминки» (экстази).

Камрады Степы сразу по тормозам: если это чьи-то «ноги», значит, он под кем-то ходит, связываться не стоит, закопают. Логично?

Степа сам не со стороны, давно и крепко в теме, согласился – да, все правильно, не стоит такого трогать.

А потом, когда уже домой приплыл, вдруг дошло: какие, к бениной маме, «ноги»?! Все, не работает тут система, а работает клиника и Собакин. Собакин и клиника – близнецы-братья, кто более чьей-то там матери ценен? Мы говорим – клиника, подразумеваем – Собакин, мы говорим – Собакин, подразумеваем – клиника.

В общем, если этот корень что-то толкает, так это исключительно от себя, на свой страх и риск. Да, вот это я промазал – опечалился Степа. Плохо быть тормозом, иногда следует голову пораньше включать.

В следующую пятницу Степин обидчик опять появился в обеденном зале «Меги», позавтракал, попил кофе и ушел. Степа быстренько пораскинул мозгами на полбаяна и, как и подобает опытному камраду, сделал глубоко уходящий корнями в тему вывод: да этот хмырь сюда за «весом» ездит! Пятница – первый дискотечный день, вот он и заряжается на весь трехдневный марафон.

Что делать? Дать по тылке, забрать «вес» и слегка обогатиться – такая замечательная мысль посетила Степу буквально на секунду и тут же была отброшена включившейся «системной» логикой: если парень ездит к барыге, значит, система опять работает – пусть даже вразрез с Собакиным и кликой. А если есть система, то за такие выкрутасы обязательно накажут – да так, что ни одному ритуальному бюро материала не останется.

Ну и ладно. Пусть я тут ничего не выгадываю, но вам тоже хорошо не будет, решил Степа и пошел к проверенному и авторитетному камраду Люде (это лепший корень заведующего кликой).

И с легким сердцем сдал своего обидчика.

Ну вот, собственно, и все. Спешить с выводами не будем, тот факт, что парень приезжает сюда по пятницам за «витаминками», – отнюдь пока что не факт, а плод недобравшего ремиссии воображения.

Однако, если этот загадочный хлопец приведет к барыге, мы Степе будем весьма обязаны.

А еще – хотите, сугубо личное? Больно уж тут местечко замечательное. Я бы даже сказал – историческое. Тутошний климат для барыг чрезвычайно вреден и даже опасен...

* * *

Спустя какое-то время появился Степа – с тележкой, веником и глубокой отрешенностью во всем своем щедедушном организме. Я начал было тихонько бросать маяки (если на общечеловечьем – попробовал осторожно обратить на себя внимание), но мог бы и не тихонько – камрад был глубоко в нирване. Что-то там в его мирах происходило важное и глобальное, ничего, однако, не имеющее общего с нашей обыденной реальностью.

Степа на автопилоте доехал до середины зала, запрограммированно притормозил у стола с двумя грязными подносами и, напоровшись наконец стеклянным взглядом на мой вопящий взор, вывалился в наше измерение.

Вот за это я их и не люблю. Они инопланетяне. Все время плавают там на своих тарелочках, на краткое время съезжают на колесиках в наш мир – за дозой, и опять отъезжают

обратно. Вроде бы – и пусть себе, но во время этих приездов – отъездов они частенько с небывалой легкостью воруют, насилуют и убивают. Это же Матрица – щас перезагрузимся «баяном» на троих, и не будет этого окровавленного труп...

Степа с полминуты размышлял, таращась на нас, потом вспомнил – плеснул ручкой, озарился неким подобием улыбки и ткнул пальцем в сторону одинокого парня, на которого я обратил внимание при входе.

Пфф... Вообще-то договаривались «едва заметно кивнуть» или даже «показать взглядом». По счастливому стечению обстоятельств, объект сидит спиной к Степе и ничего не видит. А то ведь завалил бы все дело, мерзавец обдолбанный. Ох и не люблю я их!

– Пристрелил бы удода, – процедил Витя.

– Которого? – уточнил Виталий. – Степу или этого подонка, которого, кстати, босс выкупил с первого взгляда?

– Хорошо прогнулся, – одобрил Витя. – И так гладенько – вроде бы мимоходом, не нарочно. Но факт – мы с тобой не угадали, а он попал в точку.

– Вот поэтому он начальник, а мы – дурак...

Наш объект доел завтрак, неспешно выпил кофе, несколько раз глянул на часы, но уходить не торопился. Ждал чего-то.

Минут через пятнадцать ему кто-то позвонил. Коротко переговорив по телефону, парень направился к выходу.

Выбрав оптимальную дистанцию, я направился за ним, а «близнецы» потопали к боковому выходу: Витя на парковку, за машиной, а Виталий – для страховки, если объект пойдет по северо-западной галерее через игровой зал.

Выйдя из зала, объект пошел по юго-восточной галерее, заметно прибавив темп. Пришлось тоже немного подсуесться – в результате Виталий сразу выпал из поля зрения, и я остался в гордом одиночестве. Ну да ладно, меняться пока не надо, он на меня ни разу не обратил внимания.

Объект спустился на первый этаж, посмотрел на часы, недовольно покачал головой и, опять прибавив темп, ускорился через боковой выход на улицу.

Я не замедлил последовать за ним. Вообще, нехорошо получается с этой непредвиденной спешкой. Если бы кто-нибудь предвзято смотрел со стороны, моментально вычислил бы наблюдение. Смена темпа – простейший способ провериться насчет «хвоста». Хорошо, что мы имеем дело с дилетантом, особо напрягаться не имеет смысла. А вообще, по большому счету, для такого мероприятия надо бы как минимум две сменные пары.

Когда я оказался на улице, объект уже сворачивал за угол. В этот момент Витя как раз подходил к парковке – увидев меня и не обнаружив поблизости нашего поднадзорного, он недоуменно передернул плечами. Я экономным жестом обозначил направление – Витя понятливо кивнул и поспешил на парковку, а я трусцой припустил за угол.

Только повернул, смотрю – этот шустрый мерзавец уже вбегает в распахнутые ворота грузового двора.

– Ну погоди, гаденыш, доберусь я до тебя, – злобно пробормотал я, устремляясь к воротам. – Устроил тут эстафету, сволочь...

За воротами – бетонная полоса, слева – пакгауз с дверями складов, справа – несколько фур. Из той, что ближе к воротам, трое дородных мужиков в спортивных костюмах, пыхтя от напруги, кантуют большую коробку. Рядышком стоит пассажирская «Газель» с распахнутой кормой, сбоку стройный товарищ в съехавших на нос очках что-то пишет на картонке.

А парня нет. Ну, е-мое...

– Мужики, тут пацан пробежал только что...

– В серой толстовке? – уточнил стройный товарищ, остро глянув поверх очков.

– Точно!

- Андрей Горбенко, – товарищ вдруг тепло улыбнулся. – Я не ошибся?
- Точно, – я немного смутился – не помню, чтобы мы когда-то встречались. – А вы...
- Да тебе это без разницы, – товарищ кивнул мужикам: – Взяли.

Мужики вдруг с диковинной легкостью отшвырнули коробку и разом шагнули ко мне. Я даже удивиться не успел: двое подхватили под локотки, третий в секунду ощупал, выдернул из кобуры пистолет, забрал мобильник и отдал все очкастому.

Я попробовал было дернуться – не тут-то было, ручищи у них – как тиски, стоят по бокам, ни пнуть, ни боднуть, никуда, короче!!!

На мгновение расслабившись, я рванулся что было силы. Держатели мои только чуть качнулись, а третий, что все забрал, шустро подскочил и с маху саданул кулачищем под дых.

Я скрючился в три погибели, в глазах потемнело от боли и обиды. Вот же дурак-то, господи!

– Не со зла, – спокойно пояснил ударивший меня мужик. – Просто не надо дергаться. Веди себя смирно, и мы тебя не тронем.

– Грузите, – распорядился очкастый, и меня поволокли в «Газель»...

* * *

Мужики легко забросили меня в «Газель», влезли сами и закрыли задние двери. Товарищ в очках сел рядом с водителем, буркнул:

- Поехали...
- ... и достал телефон.
- И поехали.

Не знаю, проскочили мы мимо Вити или он даже с парковки выехать не успел – было так больно и обидно, что я на какое-то время утратил способность рассуждать и оценивать обстановку. Какая, в поддувало, обстановка! Я в тот момент был целиком и полностью сосредоточен на своем бедственном состоянии.

Матерый опер, говоришь?! Авторитетный истребитель воров!

Попался, как самый распоследний стажер-шалопаи...

Когда Бубку возле дома спеленали, мы, помнится, дружно осклабились: ну чайник же, что с него взять. Вот я бы на его месте – ух!

Но Бубку «вели» от первой до последней минуты, и «опека» была такой плотной, что ему практически ничто не угрожало.

Получается, они нас «слушали»? Если нет – как пацана подвели ко мне? Не думал, что воры будут заниматься такими шпионствами – это прерогатива совсем других злыдней.

А я просто идиот. Сказано же было русским языком: ходить везде втроем, не разделяться ни на минуту! Можно, конечно, возразить – а как тогда работать? Однако сейчас это уже не имеет значения. Блин, обидно-то как...

Слегка отдышавшись и придя в себя, я разогнулся и осмотрелся. Серо-голубой монолит «Меги» неторопливо съезжал к северу. Мы ехали в столицу. Как говорится – в последний путь...

– Полегчало? – Очкарь мимолетно глянул на меня в верхнее зеркало, небрежно бросил: – Раздевайся...

- ...и набрал номер на телефоне.
- В смысле – «раздевайся»?
- До трусов, – подсказал очкарь и приложил палец к губам: – Тихо – хозяин...
- Не понял...

– Не дури, – тип, что давеча саданул меня под дых, с готовностью привстал и многозначительно тряхнул ручищей.

– Понял, – я принялся снимать одежду.

Благоразумие подсказывало, что нарываться без нужды не стоит – сразу не завалили, значит, для чего-то нужен. Какая-никакая отсрочка, а там поглядим, мало ли, как еще карта ляжет.

Пальцы дрожали, руки слушались плохо, в голову лезли совсем никчемные сейчас аналогии из области чекистско-расстрельных мероприятий «раздевайтесь, гражданин, проходите, лицом к двери – ближе, еще ближе...».

Заметьте, они меня даже не связали. Смысла нет. Все трое квадратные, раза в два шире меня, ручищи здоровенные – наверное, на спор могут костыли из шпал рвать. Водила тоже крепыш.

Это было необычно: как-то привык, что уголовники по большей части – субтильные личности, этакие доходяги, оставившие здоровье на эковских шконках.

И где только они таких здоровяков взяли...

– Взяли, – с ходу доложил трубке очкарь – не представился, абонента по имени не назвал. – Да, все чинно... Нет, не было... В смысле – «куда»? Куда ты сказал... Оп-па! А че так?... А, ну понял... Да понял, понял... Ну ты ж меня знаешь – все будет как в банке. Пока...

– Запутки? – уточнил любитель бить под дых, сноровисто ощупывая швы моих брюк.

– Не, все ништяк. Просто по делам отъехал – и вроде бы надолго, – очкарь задумчиво почесал за ухом и обратился к водиле: – Давай прикинь, как нам покорооче проехать в Дрюково.

– К Афанасу, что ли?

– Ага.

– Прикинул, – водила сбросил газ и посмотрел в зеркало.

– Ты че тормозишь? – нахмурился очкарь.

– Проехали поворот. Раньше не мог сказать?

– Хорош гнать – при тебе ж звонил!

– Да я не про тебя... Мог бы звякнуть, предупредить.

– Да ладно – че теперь... Рули давай.

Мы развернулись и поехали обратно.

Вот так, дорогие мои коллеги и прочие, кто не будет допущен на похороны. Выходит, взяли меня люди Прохора – московского «законного» вора.

Откуда такой вывод? Афанас – старый жулик, кореш Прохора, от дел давно отошел, сидит в Дрюкове, варит самогон и продает окрестным пейзамам. Сам по себе ничем не знаменит, по оперданным проходит исключительно как «связь» Прохора.

Все-таки здорово быть опером. Когда знаешь, кто конкретно тебя убьет, на душе как-то легче. Это примерно то же самое, как если тебя расстреливают, а ты немного разбираешься в оружии. О, из «ПК» будут мочить, коробочка на 100 патронов, калибр 7,62 – все понятно. Надежная штука, сразу убьют.

А был бы полный дуб в оружии, стоял бы и гадал: блин, что это за фигня? А не буду ли мучиться? Хе-хе...

Нет, понятно, что это истерический смех, как продукт агонии сознания, – однако хорошо, в самом деле, что взял меня именно Прохор. Какая для меня разница? Поясняю.

По всем раскладам Прохор должен сдать меня грузинам. А он, как видите, не торопится это делать и дал команду везти меня к своему корню.

Значит, хочет пообщаться и кое-что разузнать. И я даже догадываюсь, что именно.

И вот еще деталь: можно надеяться, что до сдачи грузинам мытарить меня особо не будут. Потому что Прохор – один из немногих «динозавров», уважающих «традиции». Если бы я шлепнул настоящего «вора», таскали бы меня на пинках до самой сдачи. Но Зураб

был «апельсином», короновался за деньги и мимо «понятий», так что и отношение к нему у таких, как Прохор, – соответствующее.

Остается надеяться, что мне удастся сохранить твердость духа и ясность мышления – чтобы не упустить свой шанс, буде вдруг Судьба захочет мне как-то улыбнуться в этой безвыходной ситуации. А не захочет... Ну, так хоть умереть достойно, не валяясь в ногах и не вопя о пощаде.

Знаете... Не уверен я, что у меня это получится. Как-то не приходилось раньше умирать – опыта нет...

* * *

То ли люди Прохора не в курсе законов жанра, то ли я отстал от жизни и чего-то не понимаю – но глушить меня не стали, равно как и надевать на голову пыльный мешок. Так я и ехал, как обычный пассажир, прижатый к окну могучим плечом конвоира. Здорово порассуждать в заданном направлении не получалось: как-то все вокруг было вверх ногами и ничего путного в голову не лезло.

Воры среди бела дня арестовали опера и, совершенно не заботясь о конспирации, везут его «на хату»... Скажите, это нормально? Разве не должно быть все с точностью до наоборот?!

Бред какой-то...

Минут через пятнадцать мы подъехали к Дрюкову.

За это время боль от удара растворилась в клокочущем котле безысходного отчаяния, а мое супер-эго, вскормленное на сугубо детдомовском болезненном стремлении к справедливости, поставило вопрос ребром.

Если в цивилизованной стране с развитой и мощной правоохранительной системой преступники могут схватить представителя этой самой системы в общественном месте и отвезти его на казнь, это несправедливо и вообще в корне неправильно. Думаю, это понятно даже тем, кто о детдомовском воспитании имеет самое поверхностное представление. Из этой неправильности вытекает закономерный вывод: сотруднику этому в данной ситуации никто не поможет, и шлепнут его при любом раскладе. Хотя наизнанку вывернись – приговор уже вынесен, осталось лишь исполнить. При хорошем поведении умрет он через несколько часов, при плохом, возможно, прямо сейчас.

В таком случае, какая тебе разница, обреченный ты наш? Эти несколько часов ведь ничего не решают, верно?

Верно.

Ну так и рассуждать больше нечего: хочешь побороться за жизнь, начинай прямо сейчас. В худшем случае проведешь последние пару часов со сломанными ребрами и перебитыми конечностями – на общую ситуацию это не повлияет ровным счетом никак...

Подробно описывать Дрюково нет смысла: это типичное явление новейшей эпохи, одна из тысяч умирающих деревень Центральной России. Асфальтированная улица здесь всего лишь одна, и ввиду уникальной длины (от съезда с шоссе до селпо – метров двадцать пять) ее можно смело заносить в Книгу рекордов Гиннесса.

По обеим сторонам от этих двенадцати саженей индустриальной эпохи прижались друг к другу четыре невзрачных зданьица с обшарпанными вывесками: «сельсовет», «милиция» – справа, «шиномонтаж», «селпо» – слева.

Наша железная колесница повела себя в полном соответствии с исторической достоверностью: мгновенно проскочила крохотный отрезок цивилизации и, не успев как следует притормозить, со всего маху ухнула в здоровенную выбоину, притаившуюся сразу за неровно отгрызенным краем асфальта.

В последующие десять секунд мой раздетый до трусов организм вел себя независимо от впавшего в ступор сознания, которое даже не пыталось контролировать ситуацию, а только фиксировало отдельные моменты происходящего.

Итак: сильный крен на правый борт, сидящий рядом конвоир выпадает в проход, я, естественно, за ним следом – но не втыкаюсь, как он, в правый ряд, а рикошетом отскакиваю от могучей спины и финиширую прямо у пассажирской двери.

Потная ладонка цепляется за ручку, щелчок – дверь резко распахивается, примерно на треть, упирается в грунт – я, как по трапу, выкатываюсь наружу.

Едва оказавшись на ногах, мчусь обратно к шоссе. То есть это по факту я – мчусь, а кажется мне, что еле переставляю ноги, ставшие враз такими тяжелыми, словно на них нацепили водолазные башмаки. Сердечко надсадно бухает в груди, грозя вырваться наружу: «Бежать! Бежать!! Бежать!!!», надо бы лететь стрелой, но почему-то все получается так медленно и величаво, что от досады хочется выть!!!

В этот момент включается сознание и пробует управлять ситуацией.

Ну и куда бежать, буй ты мой перекрашенный?! Кругом поля, до посадок далеко, враги на транспорте – сейчас выберутся из ямы, развернутся и...

В здании с надписью «милиция» одно окно распахнуто настежь, из него доносятся негромкие звуки вполне обывательского характера.

Ага!

Ни секунды не раздумывая, проскакиваю через улицу, влетаю на крыльцо и, с разбегу ударив плечом в дверь, вваливаюсь внутрь.

Изрядно пожеванный сейф, древний телевизор на тумбочке, три стола, стулья, вешалка, портрет на стене (угадайте – чей), рядом – сильно выцветший график статистики правонарушений.

Ну, слава богу – я дома!

На одном столе антураж: карточная колода, газеты, небольшая кучка мелких отечественных дензнаков, двухлитровая бутылка «Бон-аква» (но там, совершенно очевидно, отнюдь не «аква» и вряд ли «бон»), стаканы, огурцы, хлеб, пара солидных луковиц и изрядный шмат сала.

За столом сидят трое, в руках – карты. Двое в форме – старлей и сержант, третий в штатском, но за километр видно – тоже из органов, а ежели подойти поближе, то понятно, из каких именно.

Старлею чуть за сорок, сержанту едва за тридцать, в штатском – совсем салага.

Здравствуйтесь, родные мои! Как же я вас всех люблю сейчас: был бы девицей, отдался бы оптом – да не по разу!

На мое чудесное появление троица отреагировала адекватно.

– Во б..., – старлей положил карты на стол, прикрыл деньги газеткой и поставил сверху стакан.

– Мужик, а ты остановкой не ошибся? – штатский хмыкнул и стал с интересом меня рассматривать. – Клиника на сто девятнадцатом километре, это минут десять езды отсюда.

– Ты че, совсем оборзел – в таком виде вваливаешься сюда? – сержант грозно нахмурился и привстал со стула.

– Андрей Горбенко, опер из Балашихи, на операции! – на одном дыхании выпалил я. – Щас сюда вломится банда!! Выручайте, мужики!!!

Бравый сержант выхватил из кобуры пистолет, наставил его на меня и грозно рявкнул:

– А ну, руки в гору, лицом к стене! Быстро, я сказал!

– Ствол – это зашибись, пригодится, – я ткнул пальцем в дверь. – Только с предохранителя сними и туда направь.

– Погоди, – лицо старлей посетила гримаса понимания. – Ты тот опер, что Зураба завалял?

– Точно.

– Тебя уволили, – штатский сочувственно причмокнул. – В прошлую пятницу на «читке» довели. Ты от воров сорвался?

– Точно!

– И они, типа того, щас прямо сюда вломятся?!

– Точно!!

– Ну так давай, – штатский указал на одно из окон с противоположной от входа стороны: – Раскрывай да сигай туда – и дуй по полям до леса.

– Не понял... Вы что, мне не...

– Давай, че ты встал! – прикрикнул штатский. – Ты уволен – не врубаешься, что ли? Ты не опер, не сотрудник, никто, короче, – ты теперь сам по себе.

– Точно, – сержант опустил ствол и соболезнующе причмокнул: – Извини, брат, – помощи тебе не будет. Давай, в самом деле – в окно...

– Стоять! – негромко скомандовал старлей. – А ну, подыми ствол и возьми его на мушку.

– Не понял... – сержант пожал плечами, но послушно выполнил команду. – Это к чему?

– Думаю, за него можно неплохие бабки получить, – пояснил старлей, открывая сейф. – Он вора уложил. Значит – что?

– Мужики... Вы че – совсем?! – От обиды я был готов заплакать – хоть убейте, не ожидал такого поворота! – Вы же своего...

– Да какой ты, на хер, свой! – старлей недовольно поморщился. – Правильно Леха сказал, ты теперь – никто...

В этот момент входная дверь распахнулась, и в помещение вошел очкарь.

– Не помешаю?

Вошел, надо заметить, не как в опорный пункт правопорядка, а будто бы к себе домой, уверенно, по-хозяйски.

– Так, – старлей, не суетясь, достал из сейфа наручники, сунул в карман брюк, затем вытащил «АКС-74У», присоединил магазин и аккуратно уложил на стол. – Ты чей будешь?

– Я от Прохора.

– Ага... И сколько вас тут? – Старлей взял со стола автомат и взвесил его в руках.

– Не, тут у вас ниче не выходит, – очкарь криво ухмыльнулся и впился взглядом в автомат. – Как взяли его, я сразу позвонил Прохору. Так что все уже в курсе, ждут, готовят встречу.

– Понятно... – Взгляд старлей наполнился разочарованием и досадой. – То есть ты хочешь сказать, что можно вот так запросто прийти, взять сотрудника...

– Он уже неделю не сотрудник. Вам что, приказы не доводят?

– Ну это уже наши дела, что там нам доводят, а что нет, тебя это никак не касается.

– Короче, я не понял... – очкарь нарочито понизил тон и зловеще уточнил: – Ты что... с Прохора хочешь деньги взять?!

Пауза была недолгой, но насыщенной. Старлей – парень простой, душа нараспашку, во взгляде легко читается самое сокровенное. Да, хочет он деньги взять, ой как хочет! Деньги взять, всех ненужных – в расход, и вроде бы по ситуации он самый главный сейчас (с автоматом, блин!), но...

– Нет, не хочу. – Старлей положил автомат на стол, тяжело вздохнул и потянулся за бутылкой. – Забирайте и валите отсюда. Живее!

– Понял, – очкарь приоткрыл дверь. – Пацаны – заходи...

* * *

Наказали меня тут же, не отходя от оплота правопорядка.

Обойдемся без умствований насчет неправильности мироустройства – сам спровоцировал. А просто «перемкнуло» от обиды и отчаяния.

Держали крепко, вырваться – никак, но когда спускались с крылечка, я извернулся этой скользкой гадиной и, животом зарывав, впился зубами в запястье одного из конвоиров.

– Ах ты ж, хучело чуево!!!

Били недолго, но основательно: от всей души и навывлет – в дыню, и потом еще в порядке трамбовки, вдогон – ногами куда придется.

В итоге я на какое-то время перестал ориентироваться в пространстве (было темно и звездно, как на экскурсии в планетарии), сплюнул два зуба и вволю напился собственной кровушки.

Да ладно – что там зубы, на фиг они мне теперь нужны...

Афанас проживал где-то неподалеку – к тому моменту, когда мы въехали во двор его усадьбы, у меня перед глазами еще плавали козероги и раки, а также прочие представители классического гороскопа. Ну, разве что чуток посветлело – можно было различать покачивающиеся предметы обстановки.

Обширный двор был похож на пункт приема... эмм... приема всего что притащат. Детали от сельхозмашин, металлолом, автозапчасти, древесина всех кондиций, арматура, швеллер, листовое железо, гора проводов, с десятков бронзовых бюстов вождей разных эпох и, по всей видимости, совершенно секретный хлам – какие-то кучки, накрытые брезентом.

На прибытие дорогих гостей хозяин отреагировал не сразу: он как раз азартно торговался с тремя мутантами, притащившими холодильник.

Мутанты имели проблемы с речью, зрением и координацией, были дико волосаты и одеты в какие-то невообразимые лохмотья. Они нечленораздельно мычали, постоянно наклоняли головы набок, чтобы было удобнее смотреть заплывшими глазами, и асимметрично дергали конечностями.

Афанас на свою ориентировку был похож примерно так же, как я на Собакина: за годы мирной жизни он опух, растолстел, окривел на один глаз и обзавелся костылем – что, впрочем, не мешало ему резво хромать вокруг холодильника в поисках недостатков на предмет сбивания предложенной мутантами цены.

Очкарь не вмешивался и терпеливо ждал окончания торгов. Как будто бы мешок картошки привез (менять на самогон), а не одного из главных извергов столичного воровского мира. Афанас, даром что старый, еще в авторитете – молодежь его уважает и побаивается.

Спустя несколько минут холодильник был успешно обменян на две двухлитровые бутылки «Бон-Аквы» (!). Мутанты уволокли добычу за ворота, двое шустрей парней потащили холодильник в сарай, а довольный Афанас наконец-то соизволил обратить на нас внимание.

– Люди говорят, ты детдомовский?

Странно, но в действующем глазу старого уголовника я не заметил кровожадности или какого-то даже намека на торжество. А интонация была насыщена сочувствием и, страшно сказать, – уважением! Ну надо же...

Я бы вот такую популярность с удовольствием обменял на полную безвестность – в отличие от некоторых мне не нравится, когда детали моей биографии становятся достоянием широкой публики. Да еще такой публики.

– Жалко, что ты мент, – резюмировал Афанас, так и не дождавшись ответа. – Я бы тебе руку пожал. И даже бухнул бы с тобой. В наше время такие люди – редкость. Но ты – мент. И этим все сказано...

Да, вот это старая школа. В наше время многие блатные легко садятся за стол с сотрудниками, занимаются совместным «бизнесом» и даже строятся рядышком. Типичное соседство: стоит дом вора, а рядом – прокурора.

Короче, нормальное ворье вырождается как класс. Скоро работать будет не с кем. Хотя это уже до лампы – мне теперь вообще ни с кем не работать. Я уволен! С работы, из жизни, в общем, отовсюду...

В книгах обычно пишут, что пленников пихают в различные глубинные подвалы и зловещие погреба, где они в великой тоске ожидают своей участи. В усадьбе Афанаса ничего такого не нашлось: думаю, он никого и никогда под стражей не содержал – не его профиль. А в дом меня хозяин пускать не захотел, аргументировав это простеньким «западло».

Несколько минут очкарь рядился с Афанасом насчет моего размещения: приводил разные аргументы в пользу необходимости единовременного попрапия «понятий», стращал Прохором, пробовал давить на «патриотизм» – все тщетно.

– Не пущу мента в дом – и точка. Я сказал. А что Прохор будет недоволен – мне глубоко поровну, можешь так и передать. У меня тут, по-вашему, что – КПЗ, что ли?!

– А если Прохор задержится – нам что, теперь до вечера с ним в машине сидеть?

– Да где хотите, там и сидите. Можете вообще отпустить – это ваши дела.

– Ну давай хоть в сарай посадим.

– Ну ты умник! А если он сопрет что-нибудь?

– Ха! И куда он это «что-нибудь» себе засунет?! У тебя там есть что-то, что можно в труселях спрятать?

– У меня там много чего есть... – Афанас задумчиво поскреб щетину и смерил меня оценивающим взглядом. – Хотя щас оно ему уже ничего не надо... Ладно, давай в сарай. Только пусть кто-то из твоих постоянно с ним там сидит и смотрит.

– Ну это само собой, – слегка приободрился очкарь. – Спасибо и на этом, добрый человек, думал уже, ты нас вообще за ворота выставишь.

– А упорите пару «косяков» – и выставлю, за милую душу. Я не подрыжался у вас попкарем работать...

В сарае было то же самое, что и во дворе, только помельче и подороже: холодильники, плиты, стиральные машины, мебель, велосипеды, гора электрических чайников, посуды и прочей утвари. Короче, склад всякой дряни, которую тащили Афанасу окрестные мутанты. В числе прочего было с десяток инкрустированных спинок от довоенных (а может, и дореволюционных) кроватей – с полированными стальными прутьями и потускневшими от времени шариками. Рамы с сетками отсутствовали – кто-то целенаправленно пер именно спинки, а обратил я на них внимание потому, что к одной из таких спинок меня тут же и пришвартовали. Наручников у вору не было: в качестве связующего звена использовали длинный обрезиненный кабель, который нашли в куче утвари.

– Не со зла, – объяснил любитель бить под дых, сооружая на моих запястьях какие-то мудреные узлы. – Сам виноват – пряткий больно.

– Да че ты перед ментом рассыпаешься? – прошепелявил я. – Со зла, не со зла – мне какая разница?

– Разница есть, – вмешался очкарь. – Мы к тебе ничего не имеем. Если ты заметил – относимся нормально, можно даже сказать – с уважением.

– Ага, с уважением...

– Не, ну ты сам косяка упорол – чего бросился-то?! Веди себя прилично – и до грузин доживешь в полном порядке.

– До грузин?

– До них самых. Вот грузины будут тебя мордовать на полную катушку. Сразу ведь не завалят, будут медленно распускать на фарш. Так что ты не рыпайся, отдыхай, силы береги. Они тебе понадобятся.

– А что-то мне не хочется к грузинам, – признался я. – У меня к вам предложение. Если вы в натуре ко мне ничего не имеете – развяжите и на минуту отвернитесь.

– О как! А ты нам – что?

– А я вам – жизнь. Отпустите меня и останетесь в живых.

– Хых! – почти синхронно сверкнули фиксами «атлеты».

– А ты точно пацан в духе, – очкарь криво ухмыльнулся. – Знаешь, что сдохнешь через несколько часов – причем без вариантов, а все прикалываешься.

– А хотелось бы, чтобы рыдал и на коленях ползал?

– Ни хрена не хотелось бы, – буркнул очкарь. – Сиди спокойно, и никаких запуток с нами у тебя не будет...

Стоять на часах в первую смену выпало «незловивому» молотобойцу. Вернее, не стоять, а сидеть, и вовсе даже не на часах, а на совершенно новом диване, затянутом в целлофановый чехол. Не иначе, какой-то мебельный магазин обнесли.

Для меня ничего приличного поблизости не нашлось, диван находился далековато, так что расположиться пришлось прямо на земляном полу.

Немного посидел, осмотрелся, попривык...

Оценка диспозиции бодрости не прибавила. До дивана далеко, пока добегу, страж успеет два раза зевнуть и потянуться, так что о внезапном нападении говорить не приходится. Да и спинка тяжелая, наверное, в пару пудов – особо не разбежишься. Завязали в три звена: кольцо вокруг запястья в три тура – отрезок сантиметров в десять – узел на дужке. Получилось не хуже наручников: и руки не затекают, и узел не ослабишь раскачиванием, как если бы примотали прямо к железяке.

Примерно через полчаса сидения на земле я остыл, продрог и в полной мере наслаждался результатом недавнего покушения (вернее – укушения): щеку разнесло как футбольный мяч, а боль была такая, словно за ухо вогнали толстую тупую спицу, острие которой пронзило челюсть насквозь и вышло из подбородка.

Брр... Мне бы «анестезии» сейчас – граммов двести, а то и два раза по столько.

Не знаю, на какие безрассудства меня подвигла бы эта тупая ноющая боль, побудь я с ней тет-а-тет еще с полчаса, но довольно скоро приперся очкарь и сделал предложение.

– Хозяин велел написать докладную.

– ???!

– Ну, чем там в Черном Яре ваш отдел занимается. Типа доклада. Подробно, со всеми деталями – че по чем, короче. Он будет часа через три, времени полно, так что – давай.

– Ты ничего не путаешь? – опухшей фистулой уточнил я. – У меня хозяев нету. Я вольный. Твой хозяин – ты и пиши. С какого это перепуга я вам должен что-то...

– Мы тебе дадим одеться, вмазать и пожрать, – заговорщицки подмигнул очкарь. – А не будешь писать – тоже дадим. Сам угадаешь – чего или подсказать?

– А кто-то давеча сказал: сиди смирно, и никаких проблем не будет. Да еще чего-то там насчет уважения. Было, нет?

– Ну сказал, и что?

– Сiju смирно, писать ничего не собираюсь – проблемы. За слова отвечаешь?

– Ну, знаешь... – очкарь недовольно насупился. – Ты меня на понятия не сади, понял?! Хозяин сказал – докладную, и баста! Так что выбирай: шмотки – хавчик – водяра или мешок зипдюлей с довеском.

– С детства не люблю таскать тяжести.

– Это ты к чему?

– Это насчет мешка.

– Хе-хе... Ну вот, сразу бы так!

Меня отвязали и дали одеться.

Потом притащили тумбочку и табурет с номерами (неужто соседскую в/ч обнесли?!), стопку дешевой серой бумаги и древнюю шариковую ручку за десять копеек.

Затем меня принайомили обратно, но всего лишь за левую руку, налили стакан водки и дали колбасы с хлебом.

От яств я отказался:

– А че-то зубы слегка приболели. Кариес, видать, расшалился...

– Гы-гы!

А водку с удовольствием нахлобучил. И, с грехом пополам соорудив протокольную рожу (с раздувшейся щекой это непросто), потребовал:

– Пусть никто не смотрит, чего пишу.

– Ну ты совсем оборзел, ментяра!

– Там будет кое-что конфиденциальное про Прохора и других воров.

– Конфиденциальное?

– Ну, короче, такое, что посторонним знать не следует.

– Это кто – посторонний?!

– Да мало ли... В общем, не думаю, что Прохор обрадуется, когда узнает, что вы это читали. Более того, ему, может быть, после этого придется вас – того... Гхм...

– Да ладно гнать-то!

– Я не шучу. Не веришь – наведи справки, чем занимается наш отдел...

Очкарь долго и внимательно смотрел на меня – видимо, пытался определить, гон это или незамысловатая действительность. Определил или нет, я так и не понял, но вид у него был растерянный и даже самую малость подопущенный.

– Ну еп... Короче, ладно. Пиши, никто смотреть не будет...

Оделся, согрелся, сел по-человечьи, «анестезия подействовала» – и сразу полегчало.

Немного поразмышляв, начал писать разную дрянь из серии: «...наш отдел в Черном Яре под предлогом борьбы с незаконным оборотом наркотиков занимается планированием, подготовкой и исполнением ликвидаций воров и криминальных авторитетов...». Уж коль скоро взяли меня в качестве истребителя воров – ну так и получите фактуру в рамках заявленной темы.

Конвоир мой поначалу наблюдал, как я пишу, но скоро привык к монотонному подраживанию колпачка дрянной ручки и стал дремать.

Однако особо обольщаться на этот счет не стоило: бывалый урка дремал как на «сборке», где ему предстояло торчать несколько часов в компании незнакомых «коллег». Стоило мне изменить положение корпуса или просто перестать двигать правой рукой – он тотчас скидывал голову и обращал ко мне свой взыскательный взор.

– Че не пишешь?

– Думаю.

– А че думаешь?

– Думаю, как бы не написать чего лишнего.

– А тебе щас не все равно?

– Мне – да. Но после меня люди останутся. Им жить.

– Ну-ну...

Минут за пятнадцать удалось открутить три шарика с четвертой и третьей от моей «коноязыи» спинки. Дальше «узды» не пускала – по-хорошему, надо бы откручивать с самой дальней, у стены, меньше шансов, что заметят.

Ввиду чуткой дремы моего конвоира перегнуть железяки из руки в руку и далее в карман не получилось – оставил на резбке, закрутив обратно на пару оборотов. Затем быстро накатал три воззвания, сунул под стопку бумаги и стал ожидать, когда стражу приспичит подставить лицо соленому ветру. Несложные подсчеты указывали, что это могло произойти в самое ближайшее время: мне, например, хотелось еще у милицейского крыльца, да как-то недосуг было – сначала кусал кое-кого, потом бодался с чужими ботинками.

Характерной разминки перед генеральным позывом (дерганье коленями и сопутствующие гримасы) не было. Просто наступил такой момент, когда мой конвоир – человек суровый и решительный, встал с дивана и стремительно направился к двери.

– Сиди спокойно, я щас...

Ага, вот оно!

– Эй, малой, поди-ка сюда.

На зов тотчас же кто-то явился – очевидно, один из пацанов, что давеча таскали холодильник.

– Присмотри за ментом, я отойду на секунду.

– А че делать надо?

– Делать как раз ничего не надо. Посиди на диване, я быстро.

– Мне в сарай нельзя.

– С чего это вдруг?

– Афанас запретил без него заходить. Боится, что скрысятничаем че-нибудь.

– Да брось ты! Если что, скажешь – я попросил.

– Если что – он и спрашивать не будет, сразу ж... на барабан. Так что извини...

– Ну мля... Ну тогда хоть у двери постой!

– А че делать?

– Да ниче! Просто присмотри. Если попробует выйти – шумнешь.

– Лады...

Спасибо, Афанас! На Страшном суде тебе это обязательно зачтется. Посадили меня у фронтальной стены, дверь до конца не закрывается – холодильник мешает, чтобы осмотреться, нужно обязательно зайти внутрь – хотя бы на шаг.

Конвоир и в самом деле отсутствовал не более двух минут. За это время я успел снять шарики (пацан так и не заглянул ни разу), обернуть их воззваниями и рассовать по карманам брюк – каждый по отдельности.

Хорошо, что я предпочитаю свободные штаны, – в данной ситуации это здорово выручило. Впрочем, это, скорее, закономерность, нежели счастливое совпадение: не помню ни одного опера, который таскал бы брюки в обтяжку. Просто специфика работы как-то не располагает ко всякого рода модным изыскам.

По возвращении стража я выждал минут десять и напомнил о том, что жив и ничто человеческое мне не чуждо.

Особого энтузиазма моя просьба не вызвала, но возмущаться и чинить препятствия страж не стал. Немного поразмыслив, он достал мобильный и позвонил:

– Короче, тут опер на дальняк просится. Пусть кто-нибудь подойдет...

Пришел еще один крепыш, меня отвязали и повели на этот самый «дальняк», который, как оказалось, действительно был в самом дальнем углу двора.

– Как положено по наставлению – за пятьдесят метров от пищеблока, – прошепелявил я, желая отвлечь внимание (показалось мне, что шарик в заднем кармане этак нездорово оттопыривается).

– Это ты к чему? – уточнил спец по рукосуйству.

– Привычка – вторая натура. Человек давно на воле, а устроил у себя все, как на зоне.

– До х... ты знаешь, умник! – оживленно подхватил второй крепыш. – Афанас все сроки мотал здесь, в Подмоскowie. А тут везде канализация. Таких дальняков нету. А вот я в последнюю ходку был в Краслаге – вот там как раз...

– За метлой следи, – негромко буркнул мой персональный рукусуй.

– А че?

– Ниче. Тебе че, побазарить не с кем?

– Да ладно тебе! Ему уж все по х... А потом – ну и че я такого сказал?

– Пока ничего...

Сложенный из кирпича сортир был экономно пришвартован к забору, который являлся его четвертой (тыльной) стеной. Не помню досье, но, думаю Афанас – этнический немец. Или даже еврей. Для человека с таким достатком экономить полкуба кирпича на возведении одного из важнейших в хозяйстве сооружений – натуральное скопидомство.

В сортире было чисто, пахло хлоркой и какой-то травой, пара пучков которой висела на боковой стене.

Между тыльной стеной (забором) и крышей зияла жирная щель, в которую запросто можно было просунуть руку.

Щель вызвала у меня мощный прилив теплых чувств, но вредные громилы испортили светлый сортирный праздник – не дали, сволочи, закрыть дверь. Отошли метров на пять и, скрестив руки на груди, принялись наблюдать за мной.

С минуту посидев со спущенными штанами, я покраснел от злобы, как пожарная машина, весь надулся и заявил скорбным голосом:

– Мужики – не получается. Нет привычки. Понимаете?! Даже в камере очко от людей отгораживают...

– Да брось ты! – рукусуй весело хмыкнул. – Если в натуре приспичит – и в зале суда сходишь, прямо на приговоре.

– Не могу, мужики... – печаль в моем голосе была искренней и берущей за душу (если тут было за что брать). – Не дадите закрыть – буду терпеть до последнего. А грузины начнут прессовать – обхезаюсь к е... маме. Они вам что, заплатили, чтобы вы меня на позор выставили?!

Громилы переглянулись, пожали плечами...

– Ладно, закрывай, – разрешил рукусуй. – Только давай так: ты говори что-нибудь.

– Спасибо, – я, не дожидаясь повторного приглашения, тотчас же затворил дверь. – А зачем говорить? Я что, по-вашему, в очко могу нырнуть?! Оно ж узкое!

– Хых... Все равно – говори. Так спокойнее.

– А что говорить?

– Да что хочешь. Ну – стишок расскажи.

– Стишок?!

– Да.

– Ладно, сейчас... – Я достал первый шарик, примерился и аккуратно бросил его на улицу через щель под потолком. С той стороны забора послышался едва различимый глуховатый шлепок. Есть контакт!

– Ты че примолк? Рассказывай давай!

– Одну минуту – я тут маленько занят...

– А ты в перерывах, когда дуешься и воздух стравливаешь. Давай не молчи!

– *Светит месяц в вышине...*

– Так...

Я изменил угол броска и послал второй шарик по более крутой траектории. На этот раз шлепок прозвучал метрах в пяти левее. Близко! Надо кидать с большим разбросом...

– *Свежий запах сена.*

– Это что, в деревне, что ли?

– Точно – в ней самой...

– Дальше.

Я бросил последний шарик, прислушался – вроде бы попал хорошо, метрах в десяти правее первого – и с чувством исполненного долга присел обслужить организм.

– Че ты там опять затих?! Дальше давай!

– *Бьют кого-то в тишине...*

– Хых!

– *Головой об стену.*

– Ни х... себе, стишок! А дальше?

– Дальше не придумал.

– Не понял... Ты че, это сам сочинил?

– Точно. Только сейчас и – специально для вас.

– Ну ты, мля... Роберт, мля, Рождественский, мать твою...

– А сейчас, если не возражаете, я хотел бы взять маленькую паузу. Секунд на двадцать.

– Ладно. Но не больше – я время засек.

Я быстро завершил мероприятие, пошуршал газетой и вышел в люди.

– Спасибо, мужики. Родина вас не забудет...

– Да ладно!

– И везде найдет.

– Ну нет, вот это уже – хренушки...

Глава 2

Сергей Кочергин

Всем привет. Я Сергей Кочергин, мы давным-давно знакомы, так что реверансов не будет – сразу к делу.

Место действия: столица нашей Родины, перекресток проспекта Адыгезалова – ул. Намблдяна, ресторан «Бадахшан». Хе-хе... Есть сомнения, что это Москва? Уверяю вас, это она самая, мой родной, и как говорит Вася Крюков – до ж... интернациональный городишко. Я тут родился и вырос, каждый уголок знаю.

Декорации, действующие лица и исполнители: Костя Воронцов и ваш покорный слуга – на втором этаже, в отдельном кабинете, Петрушин, Вася – в двух машинах на парковке у ресторана, отдельно взятый Ростовский в третьей – в квартале отсюда, притворяется инициатором сделки.

Ресторанчик, я вам доложу, еще тот: кастовое местечко, абы кто сюда не забредает, все клиенты – исключительно свои люди, а для несведущих посторонних на двери вывеска: «Закрыто на спецобслуживание». Помнится, мальцом еще пробегал мимо – вывеска присутствовала. Этакое перманентное и целенаправленное спецобслуживание, причем, прошу заметить, в одном из лучших районов столицы. Только раньше здесь зависали партийные боссы с пристяжью, а сейчас – чего уж там, давайте без обиняков – это штаб-квартира одной известной азиатской ОПГ.

Мы здесь по делу. В полдень у нас назначена встреча с неким Джавдетом Кулябовым, в официозе – атташе по культуре, а в миру – одним из самых уважаемых азиатов Москвы и по совместительству лидером этой самой ОПГ, которой принадлежит ресторан.

Сейчас уже двенадцать минут первого, Джавдет задерживается (именно задерживается – такие люди в силу статуса и ранга уже не опаздывают), и, как мне кажется, делает это намеренно. Видимо, чтобы показать разницу в положении и сбить цену на предлагаемую нами информацию. Проще говоря, поставить нас в стойло.

Кабинет шикарный: расшитые золотом гобелены, антикварная мебель, которой, наверное, пользовалась в свое время верхушка русского дворянского сословия, тяжелые и мрачные бархатные портьеры, наполовину закрывающие эркер, из которого открывается вид на одно из самых известных в Москве исторических мест... Ладно, не будем причитать на тему – кто допустил и как такое могло произойти, вот вам факт: ресторан – собственность азиатской ОПГ, и кормить нас здесь не собираются. Стол не накрыт, никаких намеков не было, даже минералки для приличия не предложили. Хотя, все это логично и последовательно: знайте свое место, быдло, сидите проникайтесь и хорошенько подумайте, сколько запросить. Может ведь и так случиться, что задаром отдадите – только чтобы выйти отсюда в целостности-сохранности и с надеждой, что о вас сразу же и навсегда забудут.

– Хорошее местечко, – мы с Костей определились – говорить только на нейтральные темы, тут с давних пор оборудование не хуже, чем в звукозаписывающей студии. – Мебель – ух! А смотри, какая лепнина на потолке...

– Да, местечко знатное, – согласился Костя. – А вот люди здесь – полное г...

Я чуть не поперхнулся: мы так не договаривались!

– Почему так думаешь? – я мимолетно соорудил козью морду – не забывай, где находишься.

– Мне доводилось иметь дело с азиатами, – Костя на мои знаки – ноль внимания. – За ними всякое водится, но насчет гостеприимства эти ребята всегда были на высоте. «Гость в дом – радость в дом» – это для нас просто слова, а для них – закон. А один мой приятель

узбек – о-очень мудрый товарищ – как-то сказал: «Если тебе вдруг попался азиат, который не соблюдает закона гостеприимства, можешь сразу разворачиваться и уходить. С таким человеком нельзя иметь никаких дел».

– Почему?

– Потому что такой азиат – выродок и дегенерат. От него даже свои шарахаются.

– Так... А как это касается нашего случая?

– Это ресторан. Мы тут уже полчаса паримся. А нам даже водички не предложили...

Я убрал козью морду и пожал плечами. Стратегию беседы определяет Костя. Я тут в обеспечении: по-быстрому убить кого-нибудь, пока не подтянется «тяжелая артиллерия», послушать, если вдруг промеж себя будут на фарси шушукаться, подстраховать, короче. Насчет «прослушки» Костя предупрежден, знает, что хозяин наверняка будет слушать запись: так что за все, что он сейчас наболтал, будет отвечать в полном объеме, без всяких скидок на неведение.

– Да ладно, перебьемся – не маленькие. Сейчас дело сделаем, пойдем перекусим где-нибудь.

– А если он до вечера не придет?

– Ну...

– Посиди-ка – я быстро, – Костя встал и направился к выходу.

– Ты куда? Он может появиться в любой момент!

– Да ничего страшного – подождет. Мы дольше ждали...

Ага... Понятно... Нет, ни фига не понятно. Или это какая-то хитрая методика, в которую я не могу «въехать» вот так с ходу, или наше светило просто-напросто тупо капризничает. Мы играем среднестатистических обывателей, людей неглупых, но обыденно-простоватых, рискнувших ради денег встретиться с большим мафиози. Хамить нас никто не уполномочивал.

Ладно. Пока Костя гуляет, введу вас в курс, за каким ржавым дюделем мы тут боты протираем и почем инфо в конце сезона.

Двадцать первого августа в Измайловском парке убили Ахмеда Ильясова. Кто убил – не в курсе, мы тут совсем ни при чем. Ахмед – журналист Эн-Эн-Си, сотрудничал с несколькими российскими агентствами, специализация: горячие точки, горячие темы и неофициальные съемки – так называемый «рэйп». Проще говоря – стрингер.

Вообще, история там запутанная и темная. Если бы я был писателем, обозвал бы все это как-нибудь типа «Кровавое наследство стрингера» и накатал бы целый рассказ, а то и повесть. Но поскольку я всего лишь скромный офицер ГРУ, занимающийся последние пару лет черт знает чем, держите простую пояснительную записку.

Освещение событий в горячих точках и запретная съемка – работа крайне вредная и зачастую смертельно опасная. Журналистов, которые занимаются этим, валят пачками, а статистику смертей (в процентном соотношении по группам) можно смело сопоставить с боевыми потерями в последних войнах. Мимолетно склоняю голову, скорбя обо всех этих безвременно ушедших талантливых ребятах, но никто из них не привлек наше внимание. За исключением Ахмеда.

Почему нас заинтересовал Ахмед?

Он был дружен с Андижо, которого пережил всего лишь на пару декад. Раз.

Гостил у него в Бадахшане и снимал кое-какие бадахшанские шалости. Два.

Через пару дней после его гибели в Интернете появилось несколько скандальных роликов об этих шалостях и некоторых иных забавах – уже кавказского плана. Авторство приписывалось Ахмеду, и вообще все это было подано именно как анонс «Наследства стрингера», которое может прозвучать в любой момент. Три.

Особую ценность в этом аспекте для нас представлял ничем с первого взгляда не примечательный ролик: без стрельбы и взрывов, без претензий на оригинальность, добротный снятый в стиле домашнего видео. Обычное застолье в главном зале ресторана Бадахшан: свадьба детей каких-то больших азиатов. А понравились нам несколько средних планов, на которых были запечатлены сидевшие рядом Андижо и Анвар.

Вот с этого, в принципе, все и началось. Иванов посмотрел, почесал затылок, ткнул карандашом в монитор и изрек:

– Ну так вот же оно! А ну – мозги в кучу, будем работать...

В общем, не буду тянуть: мы просто реанимировали идею сравнить две основные составляющие русской (!) наркомафии: кланы Андижо и Анвара. В недавнем прошлом мы эту славную идею практически довели до ума, но забросили ввиду отсутствия двух ключевых моментов: повода и формата подачи. Теперь повод есть. А формат вполне закономерно вытекает из сложившейся ситуации, спровоцированной гибелью Ахмеда. Ты уж извини, Ахмед, за утилитарность – но, уйдя в мир иной, ты здорово помог хорошему делу...

Пришел Костя, приволок две громадные порции шаурмы, полуторалитровую бутылку дешевого кваса и два пластиковых стакана. Разложил всю эту благодать на антикварном столе, плюхнулся в кресло и непререкаемым тоном скомандовал:

– Налетай, не стесняйся.

– Да я, в общем-то, не очень...

– Жуй давай! Когда еще этот урюк заявится – неизвестно. Что нам теперь, с голоду подыхать?

Меня опять одолели сомнения. А мы не перебарщиваем? Нашу простоватую обывательскую суть можно запросто подать в диалоге – Костя мастер в таких вещах. Ну и зачем такие сложности?

– И где ты взял эту вкуснятину?

– У метро. Тоже урюки жарят – может, от этого же ресторана.

По своей воле я такую дрянь не стал бы есть, наверное, даже ввиду перспективы голодной смерти. Нет, против азиатской кухни я ничего не имею. Но не уверен, что собачки, из которых готовится это блюдо, поголовно проходят ветконтроль и привиты от бешенства. Костя, однако, принялся самоотверженно уплетать принесенное яство и подарил меня таким красноречивым взглядом, что было понятно: возражение в данном случае будет эквивалентно предательству и срыву боевой задачи.

– Какой дивный аромат...

Ну, держи заразу, организм: Родина требует жертв.

То ли Костя по ходу движения навел справки и филигранно рассчитал время, то ли просто так совпало: но как только мы начали есть, в кабинет вошел долгожданный Джавдет Кулябов.

Ага! Пожилой импозантный бай в отлично сшитом костюме застыл в дверном проеме и несколько секунд с искренним недоумением пялился на наши жующие хари. Выпав из ступора, он негромко уточнил на фарси, даже не удосужившись скосить взгляд:

– А кто сказал кормить?

– Они с собой принесли, – виноватым голосом пояснил маячивший за спиной бая метрдотель.

– С собой?!

– Да. Сидели, ждали. Потом вот этот – толстый, сказал, что люди здесь нехорошие, гостеприимство не соблюдают, пошел и принес еду.

– Почему пустили с едой?

– Насчет этого ничего не говорили, – метр от смущения пошел пятнами. – Главное же, чтобы на «рамке» ничего не звенело...

- А сам додуматься не мог?
- Извините, виноват...
- Пошел вон...

Бай прошел в кабинет, расстегнул пиджак и сел за стол. Печальный метр тихонько прикрыл дверь с той стороны. Думаю, если поступит команда пустить нас в расход, теперь он сделает это не то чтобы без сожаления, а просто с большим удовольствием.

- Это что за демонстрация?

По-русски бай говорит отлично. А выглядит вообще на все сто: весьма симпатичный, породистый интеллигент, в каждом движении – врожденный аристократизм, до безобразия уверен в себе (и мы доподлинно знаем, что для этого имеются все основания). Такому человеку поневоле хочется нравиться, расположить его к себе, и уж естественно – ни в коем случае не хамить.

Я чувствую себя последней скотиной. По-моему, Костя явно перегнул палку: шаурма – это лишнее.

– Какая демонстрация? Ты опоздал на встречу. Мы ждали, ждали – проголодались, у нас как раз обед по распорядку...

- Почему вы мне тыкаете?!

Бай сердит. При всей его непоколебимой уверенности чувствуется, что сейчас он испытывает досаду и неловкость. Нехорошо получилось. Вроде бы мелочь пузатая – тараканы какие-то, можно одним движением придавить... А все равно неприятно. Как ни крути, получается, что бай – хреновый хозяин. Уж если люди к нему в ресторан со своим харчем прутся...

– Ну, это... – Костя по-пацански шмыгнул носом. – Не нравится – будем «выкать». Нам, в принципе, без разницы...

- Ладно, это не имеет значения, – бай досадливо дернул ртом. – Где запись?

– Щас. – Костя положил шаурму на стол, суетливо вытер руки о штаны и достал вчетверо сложенный листок. – Вот.

Бай водрузил на нос очки в тонкой золотой оправе, брезгливо морщась, развернул лист и принялся читать.

В этот момент он был похож на моего профессора-арабиста, известного эстета и лощеного франта, а Костя, словно в пику ему, выглядел вполне свински. На листке остались отчетливые жирные пятна.

- Не понял... Это что такое?

- Это описалово содержимого ролика, – охотно пояснил Костя.

– Содержимое у вас в желудке, молодой человек, – бай говорил тихо и спокойно, но видно было, что взор его постепенно наполняется холодным бешенством. – И если вы сейчас же не дадите мне запись, мы совместно ознакомимся с этим содержимым.

Ай, как все скверно... Как бы половчее одернуть зарвавшегося друга? Еще пара реплик в этом направлении – и нас отсюда вынесут.

– Да на улице запись, рядом тут, – испуганно заторопился Костя. – Вы же понимаете, мы должны подстраховаться. Ща по деньгам сойдемся – сразу же созвонимся и отдадим.

– Никаких денег, пока не посмотрю запись, – гнев тут же уступил место привычной деловой хватке. – Мало ли что тут понаписано? Может, вы все это придумали.

- А что, такое можно придумать? – Костя кивнул на листок.

– Ну, в жизни всякое бывает... Вы знаете, кто я? – Бай положил листок на стол и спрятал очки в простенький с виду кожаный футляр с золотым вензелем.

- Да, нам сказали. – Костя покосился на шаурму, сглотнул слюну, но брать не посмел.

– Хорошо. Это упрощает дело. Я даю слово, что отдам деньги сразу после просмотра записи. Десять тысяч евро, как договаривались.

– Не пойдет, – Костя потупил взгляд и неуступчиво насупился. – Запись короткая и это... ну, короче – красноречивая. Посмотрите, и сразу будет все понятно. И тогда не надо будет нам деньги платить.

– Что ж – резонно, – вопреки моим опасениям, вспышки гнева не последовало – в нашем собеседнике проснулся прирожденный делец. – А вы сами запись видели?

– Да, видели, – не стал отпираться Костя.

– И кто там?

– Гена разве не сказал? Там ваш племянник.

– Нет, это ясно. А кто с ним?

– Этого Гена не говорил.

– Но вы же видели?

– Так мы же его не знаем! Мы и про племянника – со слов Гены...

– И как он выглядит?

– Ну как... Нерусский. Кавказец. Может, армянин, может, азербайджанец – сразу и не разобрать...

– Так... – бай нетерпеливо побарабанил пальцами по столу. – Ну заинтриговали. Звоните, пусть несут.

– А деньги?

– Вот деньги, – бай достал из кармана пачку купюр достоинством в сто евро в банковской упаковке и небрежным жестом бросил на стол. – Звоните.

– Так это... – Костя достал телефон и замялся.

– Что такое?

– Нам отсюда еще выйти надо, – Костин голос нешуточно дрогнул.

Получилось очень естественно и натуралистично – никакого намека на игру.

– Хорошо, что вы это поняли, – одобрительно кивнул бай. – Плохо – что поняли поздно. Знаете... Если сделать человеку очень больно, он с легкостью отдаст самое дорогое.

– Запись у Гены, – опять заторопился Костя, с видимым сожалением и раскаянием бросив взгляд на недоеденную шаурму (типа – вот же идиотская затея!). – А мы с ним даже не друзья – просто давно друг друга знаем. Вы можете нас хоть по косточкам разобрать – он просто уедет, и все тут.

– Кстати, – «вспомнил» бай. – Кто такой этот Гена? Откуда у него такая запись?

Ростовский, когда договаривался о встрече, сказал, кто он и откуда. Бай нас проверяет?

– Гена – прокурорский, – не моргнув глазом, пояснил Костя. – Входит в бригаду, которая расследует убийство Ахмеда Ильясова. Просматривал архив его записей, нашел вот эту. Ну, видимо, решил по-быстрому деньжат срубить...

– А если вы даже не друзья, как он вам доверил такое дело?

– Ну, не знаю... Может, с коллегами делиться не захотел. Они же там все ушлые – дальше некуда...

– А вам сколько обещал?

– По пятьсот на брата.

– Давайте я вам дам по тысяче – и скажите, кто там.

– Да не знаем мы его, я же вам сказал!

– Это Гена записи Ахмеда в Интернет выставил?

– Насчет этого ничего не знаю, – покачал головой Костя. – Но... Думаю, если кто-то что-то и выставял, то точно не Гена. Он прирожденный делец. Если можно что-то продать, никогда просто так не отдаст.

– Это правильный подход, – одобрил бай. – А обмен Гена продумал?

– Да, продумал. Мы спустимся вниз, отойдем к парку. Гена подъедет на машине, вы деньги в окно передадите. Он вам – камеру. Посмотрите – запись короткая, – заберете

флэшку с копией, камеру обратно отдадите. Мы сядем в машину и уедем. А! Вы будете один, без охраны. Пусть они у крыльца останутся.

– Зачем?

– Ну как – зачем? Чтобы они не могли нам ничего сделать.

– Ладно, – неожиданно легко согласился бай. – Если это какая-то подделка, вы все глубоко об этом пожалеете.

– Такое нельзя подделать, – покачал головой Костя. – Да вы сами все увидите... Кстати. Эту запись, наверное, можно было бы продать куда-нибудь на Запад. Они там за такие вещи большие деньги дают.

– Не думаю, что они вам дали бы больше, чем я. – Бай встал и положил деньги в карман. – Так что вы зашли по правильному адресу. Пошли, познакомимся с вашим умником Геней.

– А он, по ходу, не горит особым желанием с вами знакомиться, – розовея от смущения, заявил Костя. – Сказал – будет говорить через стекло, чтобы вы его не видели.

– Почему? – искренне удивился бай. – Из их шатии многие просто мечтают познакомиться со мной.

– Не знаю. Боится чего-то. Ну вот смотрите – что мешало взять и самому прийти? Мы, честно говоря, думали... Гхм-кхм... А вы – интеллигентный, солидный человек и все такое... И штуку бы сэкономил.

– Ну, хозяин – барин, – недовольно поморщился бай. – Навязываться не стану. У меня прокуроров-друзей и так полный штат. Звоните – мы идем.

Костя позвонил Ростовскому:

– Все нормально... Да, деньги есть. Давай подъезжай – мы уже выходим...

За дверью нас поджидали четверо крепеньких потомков Ходжи Насреддина – без тюбетек, но в костюмах от Версаче. Почтительно пропустив бая, они пристроились за нами и потопали след в след, буквально дыша в затылок.

Пока мы спускались, шустрый Ростовский подъехал на серой «девятке» к парку – это в полусотне метров от центрального входа в ресторан.

Сойдя со ступенек крыльца, бай бросил охране на фарси:

– Стоять здесь. Не отпускать, пока не подам знак...

После чего вручил мне пачку денег и привычно-повелительным тоном распорядился:

– Вы по стойте здесь с ребятами, а мы сходим к машине. Не волнуйтесь. Будете вести себя примерно, ничего с вами не случится.

– Мы так не договаривались, – тревожно нахмурился Костя. – К чему эти экспромты?

– Вся наша жизнь – сплошной экспромт, – бай улыбнулся одним уголком рта и, ухватив Костю под локоток, повлек его к парку. – Не волнуйтесь. Если запись – то, что надо, деньги будут ваши. Я не тот человек, чтобы устраивать сцену из-за такой суммы.

Костя с баем пошли к парку, а двое потомков Насреддина встали по обеим сторонам от меня в любимой позе Адика Шикльгрубера. Каких-либо признаков наличия оружия у них я не заметил. Либо умеют правильно носить, либо просто полагаются на свои рукопашные навыки. Если второе – зря они так. Я мальчуган проворный и подготовленный, если ситуация свалится в штопор, могу доставить немало хлопот...

Костя с баем дошли до машины. Ростовский приспустил стекло и передал камеру Косте.

Бай даже не сделал попытки заглянуть в салон: сразу взял камеру у Кости и стал смотреть запись.

Аристократ. Лично я обязательно полюбопытствовал бы, что это там за Гена-умник, который стесняется знакомиться с таким большим человеком.

Физиолептику от крыльца не разобрать – далековато, но было видно, что бай смотрит запись очень внимательно и сосредоточенно.

Так... Вы, наверное, в курсе, что сейчас смотрит наш аристократ? Если нет, то я в двух словах доведу.

Это сцена возле новостройки, состоящая из двух неравных фрагментов. Первый – без малого две минуты, второй – двадцать восемь секунд.

На первом фрагменте Андижо мило беседует с Анваром и устраивает ему косметическую процедуру из мозгов Сохроба. Финальный кадр – забрызганное кровью лицо Анвара крупным планом.

Второй фрагмент: резюме. То же место, те же люди – но мертвые. Без Анвара. Финальный кадр – распростертое на траве тело Андижо. Крупным планом.

Бай досмотрел запись, несколько секунд подумал и, посмотрев в нашу сторону, кивнул.

– Можно идти, – вежливо сказал один из потомков Насреддина.

Я подошел к машине и через узкий оконный проем передал деньги Ростовскому. Валера дал мне флэшку, которую я тотчас же вручил баю.

– Это что?

– Это запись, – пояснил Костя. – Копия.

– Хорошо...

Бай сунул флэшку в карман, но камеру не вернул: поставил ее на крышу машины и, надев очки, просмотрел запись еще раз.

Лицо его было скорбным и суровым, во взгляде легко читалась великая озабоченность. Мы принесли большому человеку большие же проблемы, которые нужно решать безотлагательно. Решение этих проблем чревато самыми непредсказуемыми последствиями, так что озабоченность весьма уместна.

– Гена? – Бай досмотрел запись и отдал камеру Косте.

– Я вас слушаю, – глуховато отозвался Ростовский из салона.

– Здесь две серии, – бай говорил, стоя к машине спиной и почему-то в упор глядя на меня. – У меня такое впечатление, что это первая и третья. Так вот, Гена... Я дам любые деньги за вторую серию. Она у вас есть?

– Нет, по данному происшествию – только два вот этих фрагмента, – не задумываясь, ответил Ростовский. – Если бы была, как вы сказали, «вторая серия», я бы в первую очередь предложил ее вам. Ну, возможно – за совсем другие деньги.

– Понятно... – задумчиво протянул бай, продолжая глядеть на меня – и поверьте, это было очень непросто, стоять с тупой рожей и равнодушно моргать, как будто я никакого отношения к этой «второй серии» не имею и совсем не в курсе, о чем, вообще, идет речь. – Ладно... Спасибо, что обратились ко мне. Ваша информация стоит этих денег. Всего доброго...

Бай развернулся и пошел к крыльцу.

– Мне жаль вашего племянника, – запоздало прорезался Ростовский из проема. – Примите мои соболезнования.

– Мне не нужны ваши соболезнования, – неожиданно сырым голосом проскрипел бай, не соизволив даже обернуться. – Убирайтесь, пока я не передумал...

* * *

Сделка номер два была назначена на 15.00 в районе Савеловского рынка. Пока ехали к рынку, провели с Костей экспресс-дискуссию по методике подачи себя любимых сторонним мафиози.

– Знаешь, таким чмо я себя еще никогда в жизни не чувствовал.

- Хе-хе... Значит, хорошо получилось. Фальши не уловил?
- Насчет фальши – не знаю... Но выглядел ты как последний свин. Да и я с тобой на пару.
- А о чем они говорили?
- Когда?
- Как только Сам вошел в кабинет.
- Про твою шаурму говорили. Кто принес да зачем пустили. Тебя, кстати, толстым обозвали.
- А вот это точно наговор.
- Почему наговор? Умей признавать свои недостатки. Заниматься надо больше – и все рассосется.
- Да ладно! У меня вполне стандартная фигура. Это я просто на фоне тебя кажусь толстым. Когда один – никто не обзывает.
- Ты от темы не уклоняйся. Нам обязательно было вот так свинячить? Этот бай теперь будет считать, что мы конченные ублюдки.
- И это славно, – совершенно серьезно заявил Костя. – Он очень неглупый, этот бай. Нет, не так: он очень умный. Если бы мы вели себя прилично – это было бы нехорошо. Сам посудите: пришли люди, пытаются понравиться. Значит – что? Стандарт для любого «развода».
- А пришли люди – притащили шаурму и стали жрать? Это в ресторане-то! Вот это точно не стандарт и очень даже запоминающееся событие. Мы насильно вбили себя ему в память. Разве нет?
- Нет. Шаурма – экспромт, такое заранее не придумаешь. А вдруг бы он приказал нам стол накрыть? Думаю, мы были первые, кто к нему в ресторан приволок свою дрянную еду. Это неприятно. Это неудобно. Это вообще – шок. Рисковали: был бы не такой уравновешенный, мог бы приказать завалить на месте.
- Ну спасибо!
- Да нет, навели же справки, прогноз какой-никакой я составил. В общем, не буду детализировать, скажу общо: он постарается об этом как можно быстрее забыть. То есть насильственно вычеркнет нас – мелких гаденьких типчиков с нашей отвратительной шаурмой – из своей жизни и заместит чем-нибудь более значимым и приятным. Например, охотой на убийц своего племянника и сладостной мстостью.
- Ну – не знаю... Ты доктор, тебе виднее. Но ты, доктор, как мне кажется, в данном случае все усугубил и подверг мероприятие ненужному риску.
- И за это тебе придется накрыть «поляну», – подытожил Ростовский.
- С чего это вдруг? – удивился Костя.
- Серый вел себя достойно?
- Ну, в общем – да, все было в пределах нормы...
- Я все сделал правильно?
- Да, молодец – по тебе никаких претензий. Опять же, экспромт со «второй серией» отыграл очень натурально, с ходу, без зловещих пауз...
- Ну вот, видишь? Мы молодцы. А ты все усугубил. Значит – что?
- Ничего это не значит! – почти что всерьез обиделся Костя. – Я старший мероприятия, на ходу подстраиваюсь под ситуацию...
- И усугубляешь.
- Да все было нормально! Просто вам – быдлу, вот так с ходу этого не понять. Ваш привычный алгоритм: увидел – ударил – повез труп на опознание – а кого, собственно, убил?! А здесь работают иные принципы. Дня через три до вас дойдет, и вы придете ко мне с покаянием...

– И все равно «поляна» – за тобой...

– Да пошли вы в задницу! Я старший – и я прав. И точка...

На Бутырском Валу подобрали Лизу и без десяти три подъехали к Савеловскому рынку. Петрушин с Васей заехали на платную парковку (это рядом с аллеей, на которой исполнили Анвара) и остались на страховке, а мы пошли общаться.

У ворот рынка нас поджидал разбитной курчавый кругляш в шелковой косоворотке и кожаной жилетке. Глазки шустрые, так и бегают, уши большие и оттопыренные, цепкие ручонки ни секунды не знают покоя – постоянно жонглируют всем, до чего дотянутся: сигаретами, брелком, зажигалкой. Короче – жулик.

– Вы из прокуратуры?

– А вроде бы без вывески ходим...

– Мне вас описали. Девушка в светлом деловом костюме, в сопровождении трех мужчин. Вы к директору?

– Возможно.

– Пойдемте я провожу вас. Вы уже встречались с нашим директором?

– Нет, а что?

– Ну... Он немножко своенравный. Взятки не берет, не торгуется, скромный и не любит, когда хамят.

– Да мы сами такие. Так что найдем общий язык...

Кругляш провел нас в административную секцию, открыл ключом стандартную офисную дверь со скромной табличкой «Директор» и широким жестом пригласил:

– Заходите, располагайтесь. Директор сейчас на обеде, будет с минуты на минуту.

И приемная, и собственно кабинет не страдали даже какими-либо намеками на роскошь. Дешевые письменные столы, такие же плохонькие стулья, обшарпанная стоячая вешалка в углу, все стены – в стеллажах, погребенных под горами папок с бумагами.

Кругляш предложил расположиться в кабинете: там места побольше, – и спросил, не желаем ли мы пить-есть.

– Прошу вас, не стесняйтесь. Вы у нас в гостях, так что...

Мы не стали опускаться до тривиального: «Это вы у нас в гостях, а мы вас тут терпим», а просто отказались – хотя желали и то и другое. Кругляш поставил на стол четыре бутылки минералки, пластиковые стаканчики, пепельницу – курите, если хотите, – и вышел.

– Скромненько тут у них, – осмотревшись, резюмировала Лиза. – У нас и то побогаче. А еще – рынок...

Да уж, это точно. Как-то по телевизору видел кабинет директора какого-то рынка – название не помню, так там был мореный дуб, паркет, китайские вазы и прочие излишества подсудного характера. Апартаменты тутошнего директора больше похожи на склад технической документации. То ли, в самом деле, очень скромный малый (а как такой попал в директора?!), то ли ловко маскируется, сволочь...

Посидели, помолчали. Все обговорено заранее, поправлять пока ничего не нужно, да и небезопасно это: в наш-то век технического прогресса и тотального шпионажа.

Для хлопцев из клана Анвара не стали придумывать ничего нового. Здесь мы продолжаем наработанную линию «Наследства стрингера». Только Лиза у нас не следователь, а сотрудница секретариата Генпрокуратуры. Почему Лиза? Она знает азербайджанский. Кроме того, азербайджанцы больше симпатизируют русским женщинам, чем русским мужчинам. наших мужиков они вообще за таковых не считают, а наших женщин просто любят – и даже больше, чем своих. Вот такая особенность менталитета.

Предмет торга: аудиозапись телефонного разговора Анвара с неким Равшаном Котак-дехкуевым, формализованный бланк распечатки этого разговора с подправленной на одну циферку датой и сорокавосемисекундная видеозапись ликвидации Анвара сторонними

умельцами. В разговоре товарищ Котакдехкуев просит Анвара срочно встретиться с ним у Савеловского рынка, решить один вопрос деликатного характера. Хороший такой разговор, красноречивый и толсто намекающий – но за пять дней до ликвидации. Поэтому пришлось проделать определенную работу по подтасовке даты: не только на бумаге, но и в базе оператора.

Логическая связка здесь простая и бесхитростная: Лиза прочла объявление в инете, вспомнила, что в материалах по разработке Котакдехкуева (активного члена ОПГ из клана Андижо) было что-то из этой оперы, сопоставила с недавно просмотренными материалами из архива Ахмеда Ильясова и сняла копию.

Да, пара слов по объявлениям. Через некоторое время после безвременной кончины Андижо и Анвара оба клана разместили в инете и СМИ объявления, что готовы заплатить значительные суммы за информацию об обстоятельствах их гибели. Разница была только в том, что бадахшанские заявили честно и рыцарски: «трагически ушел из жизни», а хитросфинктерные нахичеванские написали: «за информацию о происшествии возле платной парковки Савеловского рынка» и указали дату и время. Заметьте, о характере происшествия – ни слова.

Ну так вот: дата на видеозаписи ликвидации присутствует в естественном формате, а разговор датировали тем же числом и часом раньше. Нетрудно все это сопоставить и сделать соответствующие выводы.

В общем, инициатор продажи – Лиза, а мы просто группа поддержки: знакомые ребята из органов. Сами понимаете, негоже молодой даме в одиночку встречаться с горячим мафиози южных кровей.

Горячий мафиози появился в двадцать минут четвертого, совместно с секретаршей – вертлявой круглопопой девицей с приятным рязанским личиком и весьма заметным житомирским акцентом. Вместе с ними притащился навязчивый аромат шашлыка, свежей зелени и хорошего вина: для необедавших людей – веский повод начать общение как минимум с предвзятого отношения или даже откровенной неприязни.

Для рынка такой кондиции директор был непривычно молод – едва за тридцать, зело волосат и румян, а одет, в самом деле, показательно скромно и неброско. На крепком запястье вызывающе скромнели дешевые отечественные часы на кожаном ремешке, крепкие и надежные белорусские туфли военного фасона были начищены до блеска, а драгоценности отсутствовали как класс. Ни даже тебе перстенька завалящего с черепом или зажима с паучком.

Оставив секретаршу в приемной, директор плотно прикрыл дверь и поздоровался со всеми за руку, а Лизе отвесил персональный поклон. Потом он сел за стол и, деликатно кашлянув, намекнул:

– Информация конфиденциальная, я правильно понял?

– Да, – Лиза намеков понимать не желала.

– Ну... Тогда, может быть, как-нибудь с глазу на глаз...

– А они в курсе, – Лиза дежурно улыбнулась. – Так что можете при них говорить все что угодно.

– Ребята тоже из прокуратуры?

– Нет, ребята не из прокуратуры, но тоже из органов.

– Понятно... Могу я посмотреть ваши документы?

– Не можете, – отрезала Лиза. – Я дорожу своим местом и хочу сохранить конфиденциальность.

– Так... – Директор в замешательстве побарабанил пальцами по столу. – А как, в таком случае, я могу застраховаться от обмана?

– Не знаю, – Лиза пожала плечами. – У нас в стране полно мошенников и всяких проходимцев. Так что от обмана никто не застрахован.

– Какой-то несерьезный у нас разговор получается, – директор обиженно накуксился.
– Почему? Нормальный разговор. Я принесла вам информацию, вы оцените, стоит ее покупать или нет. Не понравится – откажетесь, и все тут, никто вас не неволит.

– Хорошо, – сдался директор. – Давайте, что у вас там.

Костя поставил на стол камеру, повернул ее к директору и включил запись.

С первых же секунд просмотра наш собеседник замер и впился взглядом в дисплей. Его большие карие глаза в этот момент вели себя как суслики-разведчики, заприметившие приближение вражьей стаи.

– В объявлении говорится о происшествии на аллее у платной парковки вашего рынка, – уточнила Лиза, выдержав эффектную паузу. – Имелось в виду вот это происшествие или я что-то напутала?

– Откуда у вас эта запись?!

– Вы не ответили. Я вам принесла то, что надо, или как?

– Да, это именно то самое происшествие... Гхм-кхм... Так откуда у вас эта запись?

– Это из архива Ахмеда Ильясова, – пояснила Лиза. – Помогала обрабатывать материал ребятам, которые ведут дело об его убийстве, сняла копию. Большого вам знать не нужно.

Директор повторно прокрутил запись и задумчиво кивнул:

– Ну что ж... Похоже на настоящую. Не думаю, что так можно сыграть. Но все равно – надо проверить, это реал или монтаж.

– Да, разумеется, – кивнула Лиза. – Мы же с вами обговорили этот аспект. Проверяйте сколько угодно. Если у вас нет знакомых, мы можем прямо сейчас проехать по одному адресу, там независимые специалисты быстро и недорого сделают экспертизу. Это недалеко...

– Не надо, – жестом остановил ее директор. – Я привез своих экспертов, они ждут в соседнем кабинете. Вот как раз сейчас и проверят.

– Да-да, пожалуйста.

– Только вот какое дело... – директор замялся.

– Что такое?

– Эта запись не стоит десять тысяч евро. Ну смотрите сами – ни номеров, ни людей, никаких деталей – вообще ничего нет. Только сам факт, что его убили. А мы и так знаем, что он не сам умер, без всякой записи!

– Согласна. Одна эта запись – не стоит, – Лиза достала из сумочки запечатанный конверт из плотной бумаги и флэшку. – Но к ней имеются кое-какие дополнительные материалы. Вы компьютер подготовили?

– Да, у Ани ноутбук есть, – кивнул директор. – Что за дополнительные материалы?

– Это информация из материалов разработки по одному активному члену ОПГ, – пояснила Лиза. – Разработка актуальная, поэтому, если станет известно, что я передала материалы сторонним лицам...

– Да не волнуйтесь, я все понимаю! – с нетерпением перебил ее директор. – Никому я не собираюсь ничего говорить, мы такими вещами вообще никогда не занимаемся. Что это такое, скажите?

– Запись с «прослушки» разговора фигуранта этой разработки с Анваром. И в этом разговоре фигурант просит о встрече. Разговор происходит примерно за час до происшествия.

– Ага... – Директор весь подобрался и с воодушевлением уставился на флэшку. – А в конверте?

– Распечатка этого разговора.

– Та-а-ак... – Директор оживленно потер ладони. – Давайте послушаем. Аня!

На зов явилась рязанская мордашка.

– Тащи свой ноутбук!

Девушка принесла ноутбук, поставила на стол и включила.

– Посмотрите – пойдет такой, есть там куда воткнуть? Вроде бы из самых последних купил ей – дорогой...

– Да, пойдет.

– Хорошо. – Директор повелительно дернул бровью – девица удалилась и захлопнула за собой дверь.

– Вы наверняка знаете этого человека. – Лиза не торопилась демонстрировать «дополнительные материалы». – По прослушивании разговора и прочтении распечатки наша сделка, в принципе, утрачивает смысл. Поэтому прошу: сначала покажите деньги.

– Не вопрос, – Директор с готовностью достал из кармана перетянутую желтенькой резинкой пачку банкнот достоинством в сто евро и протянул Лизе. – Считайте, проверяйте.

Лиза сноровисто пересчитала деньги – как будто всю жизнь только этим и занималась, – достала из сумочки детектор, выборочно проверила несколько банкнот, удовлетворенно кивнула и, укатав пачку в резинку, хотела было спрятать ее в сумку.

– Не торопитесь, – Директор неожиданно потянулся через стол и забрал деньги. Лиза – девушка воспитанная, рывков и бросков не последовало. – Давайте сделаем так. Вы деньги видели, проверили – все в порядке. Верно?

– Ну, в общем – да... А в чем, собственно, дело?!

– Да все в порядке, вы не волнуйтесь! Мы сделаем так: посмотрим запись, прочитаем распечатку, дадим экспертам – пусть разом все проверят, и видео, и аудио, и бумагу, если надо. Если выяснится, что все нормально, тогда и будем рассчитываться. Идет?

Лиза призадумалась. Костя многозначительно крикнул. Во взгляде Ростовского явственно оформился вопрос. Нет, не «бить или не бить» – тут вопросов не было, а по формату бития: сразу насмерть или просто «выключить»?

– Нет, не пойдет, – решительно покачала головой Лиза.

– Почему?!

– Это ваш рынок. Тут везде ваши люди. Вы сейчас послушаете разговор, узнаете имя – и просто не дадите деньги. Не будем же мы с вами драться. Нам с вами не справиться – вас тут в сто раз больше.

– Да прекратите! – Директор возбужденно хохотнул. – Мы же цивилизованные люди – так дела не делаем. Давайте запись, будем слушать...

– Нет, не пойдет, – уперлась Лиза. – Давайте как-нибудь по-другому вопрос решать. Придумайте что-нибудь, вы же умный человек – на таком месте сидите.

– Ну, а как по-другому?

– Вы нам дайте деньги – и пусть ваши эксперты сколько угодно проверяют записи. Ни я, ни ребята из следственной бригады с записями не колдовали, так что в этом плане сюрпризов не будет, тут я уверена на все сто.

– Я тоже с вами драться не собираюсь, – покачал головой директор. – Вы из прокуратуры, ваша стража – из органов. Зачем мне неприятности?

– Ну, я рада, что не собираетесь. Вы придумали, как будем расходиться?

– Давайте сделаем так. Я кладу деньги сюда, – тут директор достал из кармана заветную пачку в желтенькой резинке и положил на подоконник – подальше от нас. – Вот они лежат, пожалуйста, – деньги ваши. Но вы их пока не трогайте, ладно? Смотрю, слушаю, даю экспертам, они проверяют и как только дают добро – забирайте на здоровье. А до того момента – не трогайте и сидите на своих местах. Так пойдет?

– Вам самому не смешно? – Лиза выглядела обиженной. – Ну прямо детский сад какой-то...

– Да ничего смешного нет, – совершенно серьезно заявил директор. – Это же деньги. Мы их зарабатываем, а не из воздуха делаем. Сами подумайте – кому хочется платить за совершенно ненужные вещи?

– Ладно. – Лиза скопировала на ноутбук аудиофайл и копию видеозаписи, вскрыла конверт и отдала директору распечатку. – Я верю, что вы благородный человек и в самый последний момент не станете подличать...

Директор послушал, почитал, сокрушенно покачал головой...

– Знаете... Мы примерно то же самое думали...

– Но-но! – вскинулась Лиза.

– Да нет, оплата тут ни при чем, это я о другом, – Директор покосился на пачку денег, тяжело вздохнул и позвал: – Аня!

Рязанская мордашка – тут как тут.

– Отнеси Андрею, – Директор кивнул на ноутбук. – Пусть проверит обе записи – и аудио, и видео. И вот еще распечатку возьми – пусть тоже посмотрит.

Девушка забрала ноутбук с распечаткой и удалилась.

– Я в этих делах не разбираюсь, – простецки сообщил директор. – Вам-то, наверное, такие вещи ближе... Это долго будет, нет?

– Я не специалист, – открестилась от близости к «таким вещам» Лиза. – Но, в общем, определить – чистая запись или монтаж – можно довольно быстро. Если это действительно специалисты и у них в компе есть вся программная база – минут за десять-пятнадцать разберутся.

Так... А вот это не прокол ли? Лиза-то как раз специалист и, не задумываясь, ответила на вопрос по специфике. Будем надеяться, что директор на самом деле в таких вещах не разбирается и спросил просто так – чтобы разговор поддержать.

– Ну и ладно. Вам что-нибудь заказать? – радушно предложил директор. – Покушать, выпить?

– Нет, спасибо, – отказалась Лиза. – Давайте все быстренько сделаем и разбежимся. А покушаем и выпьем дома.

– Хорошо. – Директор встал и направился к двери: – Я пойду, отдам кое-какие распоряжения, а вы посидите.

Открыв дверь и ступив за порог, директор вдруг обернулся и многозначительно потыкал пальцем в потолок:

– Кабинет оборудован системой видеонаблюдения. Просьба: пока меня нет, не берите денег и не пробуйте уйти с ними. А то будет несолидно, если за вами погонится разом вся охрана рынка.

– За кого вы нас принимаете? – Лиза пожала плечами. – Даже как-то обидно...

– Да нет, это я просто – чтобы вы были в курсе... – Директор мило разулыбался и вышел.

Пятнадцать минут мы честно высидели, не проронив ни слова. Однако работать истуканами довольно быстро надоело, и следующие пять минут мы стали вполголоса общаться, выпили воду, а Ростовский даже выглянул в приемную – спросить секретаршу: нельзя ли уточнить, как там продвигается экспертиза?

Спрашивать, однако, было некого: секретарша отсутствовала. Выглянули в коридор: пусто. Подергали ручки соседних дверей – все закрыто.

– Что за халатность! – возмутилась Лиза. – Бросили с деньгами и пошли шататься где-то. Что за люди...

– Не понял, – самый зоркий из нас – Ростовский – вдруг обратил внимание, что вывеска на двери директора отсутствует.

– Это что за дела? Заходили – висела, а сейчас: нету! Ушла гулять вместе с директором и секретаршей?!

Тут в секцию въехала тележка с моющими средствами и щетками, за ней – пожилая мадам в фирменном комбезе, с недобрым лицом и взыскательным взглядом.

- А вы что тут делаете?
- Ну так это... Директора ждем, – растерянно пробормотал Костя.
- Какого директора?
- Как – «какого»? Директора рынка!
- А чего ж вы его здесь ждете?
- Как это – «чего»? Это же кабинет...
- Какой кабинет?! Это склад технической документации! Вас кто сюда пустил?!

Бросились смотреть деньги: первая и последняя купюра – качественно отксерены, начинка – резаная бумага.

– «Кукла», – Лиза, оттянув желтенькую резинку, шлепнула пачкой по стеклу и вполне истерично хихикнула: – Надо же – на кидняк напоролись. И так незатейливо – просто любо-дорого...

– Не понял, – Костя выглядел, как пассажир, у которого на транзитном вокзале разом сперли все чемоданы. – Это, вообще, что такое было?!

– Не знаю, что там у вас было, на улице разбирайтесь, – непреклонно заявила мадам, беря швабру на изготовку. – Уматывайте отсюда, мне убирать надо...

Глава 3

Управление «Л»

Хуже нет – ждать и догонять.

Эту поговорку наверняка придумали люди, весьма далекие от оперативно-разыскной специфики. Когда ты кого-то преследуешь, ты по горло занят, забываешь о времени и целиком сосредоточиваешься на цели, спина которой зазывно маячит где-то на пределе видимости.

Догнать любой ценой. Достичь. Добиться. Обыграть. Пересилить...

Если у тебя и жизнь устроена подобным же образом – есть ярко обозначенная цель и четко сформулированная мотивация ее достижения – ты весь срок своего пребывания в этом измерении будешь лететь как по рельсам, испуская моторный рев и искрясь от переполняющей тебя энергии.

А если у тебя нет такой цели? Нет мотивации для ее достижения? Нет никакой мотивации вообще?!

Что ты делаешь в таком случае? Целыми днями тупо сидишь на ж..., периодически задаваясь вопросом: на фига, вообще, я живу? Ради чего? Зачем я здесь?! И ждешь, когда с тобой произойдет что-нибудь из ряда вон. Пусть даже не очень хорошее, но непременно что-то экстраординарное, радикально меняющее надоевший образ жизни и вот это томительное ничемное ожидание.

Короче. Поговорка верна наполовину. В жизни нет ничего хуже ожидания. А особенно – страшного в своей неотвратимости ожидания смерти, о времени прихода которой тебя уже поставили в известность.

Вор задерживался. Я исписал кучу бумаги своими идиотскими сказками про истребительный отдел, выпил еще водки, с грехом пополам поел, глотая непережеванные куски, вздремнул и вновь протрезвел – а мой назначенный случаем судья все не ехал.

Рукося поменял любитель поболтать (на этот раз, правда, он работал глухонемым послушником: сидел на диване и молча лицезрел кучу баракла), его, в свою очередь, сменил третий супертяж, про которого и сказать-то нечего.

Вот так просто сидеть в ожидании конца было мучительно и муторно. Временами возникало острое желание плюнуть на все и броситься на сатрапов с кроватной спинкой наперевес. Единственно, что согревало в эти минуты, – крохотный лучик надежды. Я бросил на волю три воззвания. Если хотя бы одно из них дойдет до адресата, у меня есть шанс на спасение...

Проходчик явился уже в первых лучах заходящего солнца (типа – Гесперида из централа!).

Живьем я его не видел ни разу, но фото на ориентировке было вполне актуальным – узнал, как только вошел.

Проходчик не вписывается в стандартные рамки воровского облика, впечатанного в массовое сознание стараниями режиссеров и писателей. Никаких тебе благообразия и монументальности – это мелкий тип, шустрый, юркий, остроглазый и вообще какой-то по-пацански несолидный.

Тем не менее не следует забывать, что Проходчик – один из крупнейших столичных авторитетов и вообще во всех отношениях большой человек. Вот вам пример, когда внешний облик никоим образом не соответствует статусу персоны.

– Били? – уточнил Проходчик, ощутив меня цепким взглядом.

– Сопровождался, – очкарь слегка порозовел от смущения. – Эээ... Короче, хотел свалить – вон, Санька укусил.

– Ну-ну... – Прохор достал из кармана мятый листок и сунул очкарю: – На, читай.

– Это что?

– Читай. Вслух.

– Вслух?

– У тя че – уши заложило?

– Да не, я понял.... Гхм... Эмм... «Ящик непаленой водки...»

Я чуть с табурета не рухнул. Е-мое... Это ж мое воззвание!!!

– «...получишь ты, если позвонишь вот по этому телефону и скажешь: „Андрюху приняли. Четвертый по списку. Спросить близнецов, они в курсе“. Не забудь назваться и указать место, куда подвезти водяру. Гарантирую получение в течение часа после звонка...»

– Не понял... – в голосе очкаря сквозило безразмерное недоумение. – Это че такое?!

– А сам не догоняешь? – Прохор язвительно хмыкнул. – Это вот так вы его тут стерегли?! Глаз, говоришь, не спустили?

– Ну еп... Да как же... Ну, мля... Все время под присмотром...

– Дай-ка сюда, – Прохор забрал воззвание и сунул его в карман. – Так... На дальняк водили?

– Да, но...

– А ну, Афанас, пошли пацанов, пусть на улице за парашей поищут... – Прохор подошел ко мне и уточнил: – Сколько кинул?

Я сидел ни жив ни мертв – в буквальном смысле дар речи потерял. Нет, это вовсе не из-за близкого присутствия вора – человека, по слухам, жестокого, своенравного и непредсказуемого.

Мне сейчас было глубоко поровну, кто рядом: Джек Потрошитель, Чикатило или белокуро-оргастическая мечта шаловливой юности – Мэрилин Монро. Просто я был в шоке от того, что моя авантюра завершилась столь плачевно. Столько времени прошло, я уже начал верить, что у меня что-то получилось, и вдруг – нате вам!

– Раз, два, три, – Прохор сосчитал отсутствующие шары, прикасаясь пальцем к резьбе, и подмигнул мне: – Три малявы. Одна у меня. Осталось две.

После этого он сел на диван, закинул ногу за ногу и, дергая остроносом, до блеска начищенной туфлей, принялся сосредоточенно изучать дисплей своего мобильного.

Остальные молча стояли рядом. Очкарь был багров и глубоко несчастен, а мои конвоиры не смели поднять глаз.

Мои соболезнования, хлопцы. Ей-ей – не хотел. Ни причинять вам неудобства, ни, вообще, хоть как-то пересекаться с вами...

Вернулись пацаны Афанаса, доложили: пусто, на улице за сортиром ничего нет.

– Двое – на шоссе, – не отрывая взгляда от мобильного, распорядился Прохор. – Ждать, кто выйдет просить телефон. Остальные в деревню – работать ментами.

– В смысле – «ментами»?!

– Опрос местного населения, че непонятно?! У вас полчаса – добыть две оставшиеся малявы. Все – пошли.

Очкарь и мои конвоиры безропотно удалились. Остались двое крепышей, приехавших с Прохором, – наверное, телохранители.

– А ты шустрый, – одобрительно буркнул Прохор, продолжая пялиться в дисплей мобильного. – Неплохо придумал. Но ты, шустрый, маленько промахнулся. Знаешь, в чем?

Я подавленно молчал. В таком деле «маленько» не бывает. Если уж промахнулся, так на всю катушку, без скидок и права на апелляцию. Так что особой разницы – в чем именно промахнулся – нет.

– Тут телефонов ни у кого нету, – не дождавшись реакции, доброжелательно пояснил Прохор. – Давным-давно все с хат снесли и пропили до нитки. Какие, на хер, телефоны...

Осталось два варианта: идти к ментам, просить трубу или с той же целью голосить на трассе: авось, кто из проезжающих сжалится и притормозит. Врубаешься? К ментам, понятное дело, никто не пойдет: тут сплошь наш народ, «хозяйский». А на трассе голосить можно до глубокой темноты. Потому что при свете дня хрен кто остановится – больно уж рожи у них страшные. И вообще, видуха такая, что в оторопь бросает. Хе-хе...

– А чего ж тогда вы остановились? – неожиданно для себя спросил я. (Ей-богу, минуту назад я даже и не планировал с ним разговаривать! Вот же харизматичная сволочь: несколькими фразами может расположить к себе кого угодно!)

– Да просто узнал бродягу, – Прохор мотнул туфлей в сторону Афанаса, который все это время подпирал спиной холодильник у двери. – Женя Крендель.

– А, да, – кивнул Афанас. – Хороший пацан был. Спился.

– Не с твоей ли помощью? – буркнул Прохор. – Я его едва узнал – страшный, совсем на себя не похож.

– Каждый сам себе хозяин, – Афанас обиженно поджал губы. – Я силком в рот никому не заливаю. Сами лезут, как тараканы, через все щели, и днем и ночью...

– Хорош гундеть! – чуть возвысил голос Прохор. – Иди спаивай народ дальше – мне с ментом переболтать надо.

Афанас скорбно покачал головой и уковылял прочь.

– Вы тоже – гулять, – Прохор ткнул носком туфли в сторону крепышей.

– Жора говорит – он кусучий...

– Потому его и посадили на привязь, – снизошел до объяснения Прохор. – Далеко не ходите, встаньте метрах в десяти, если что – позову.

Крепыши покинули сарай и закрыли за собой дверь.

– Меня интересует, что это за список, – негромко сказал Прохор. – В котором я – четвертый...

Я взял паузу и принялся медитировать на небольшое оконце под потолком, которому вдруг вздумалось прикинуться этаким здоровенным рубином в розовых лучах заката.

Нет – это я не из вредности, просто обдумывал, сказать правду или соврать что-нибудь полочнее в свою пользу.

Со списком все просто: это картотечный каталог, в котором ориентировки на известных авторитетов расположены в алфавитном порядке. Фамилия Прохора – Аверченко, так что делайте выводы. Список этот хорошо знаком каждому оперу в любом райотделе, а «близнецы» – отличники боевой и политической подготовки – знают его наизусть. Прохору, безусловно, известно, что его досье лежит на почетном месте во всех ОВД, но почему он об этом спрашивает?

А! Кажется, я понимаю – почему. С кем он сейчас имеет дело? Правильно – с истребителем воров, злобным терминатором Горбенко. Ну так, может быть...

– Вообще думал, ты соображаешь получше, – недовольно буркнул Прохор. – Ты же опер, знаешь, что заставить человека говорить – это как два пальца об асфальт...

– Просто думаю, стоит вам об этом рассказывать или не надо.

– Типа – недостойн?

– Типа – информация для служебного пользования. Знаете такое понятие?

– Ха! «Понятие»... Тебя шлепнут через три часа, юноша. Тебе сейчас не все равно?

– Нет, не все равно.

– Ну... Молодец! Пацан в духе, держишься мужиком. А почему ты ко мне – на «вы»?

А потому что твое досье читал, сволочь. Ты терпеть не можешь фамильярности и ценишь уважительное отношение.

– Вы много старше меня. Воспитали так, к старшим – с уважением и на «вы».

– Ну вот – нормально воспитали! Люди говорят, ты детдомовский?

– Да, и это хорошо.

– Чем хорошо?

– Никто не будет плакать, когда сдохну.

– Ну... Кхм... Ладно, так и быть, я тебе в двух словах объясню, почему тебе стоит быть со мной откровенным.

– Можете не утруждать себя – я в курсе. Личных претензий ко мне у вас нет, и до передачи грузинам вы будете относиться ко мне хорошо.

– Ну... А что, по-твоему, этого мало?

– Учитывая, что через три часа меня шлепнут, – это вообще ничего. Знаете, как говорят в народе – перед смертью не надышишься.

– Понял. Значит, так...

– Но я вам все равно скажу. И знаете почему?

– Почему?

– А вы, возможно, измените свои планы насчет моей передачи.

– Ух ты! Вот это ты залупил, ментеныш... Ну давай, удиви меня. Я весь внимание.

– Я так понял, что времени у нас не очень много, – я взял исписанные листки и внутренительно потряс ими. – Поэтому все подряд рассказывать не буду. Вот тут я написал кое-что, в общих чертах. Если внимательно читать...

– Да я почитаю, ты не волнуйся. А сейчас скажи мне насчет списка. Что это за список?

– Список плановых ликвидаций.

– Типа – расстрельный?!

– Ну, в общем...

– И я там четвертый?

– Да.

– Гхм-кхм... Эмм... А кто первый, второй, третий?

– Первый – Зураб.

– А, ну да...

– Второй – Боба Пургенов.

– Так...

Лицо вора утратило безмятежность. Боба Пургенов был убит месяц назад при весьма странных обстоятельствах, в которых, насколько я знаю, до сих пор не смог разобраться не только воровской мир, но даже его семейный клан.

– Так это вы, что ли, Бобу уронили?

– Ну...

– Ни хера себе... А третий?

– Яша.

– Погоди... Яша не вор! Почему он попал в список?

– А кто вам сказал, что в списке только воры?

– А кто тогда?

– Авторитеты, которые активно работают по «белому». На Яшу были плотно завязаны многие большие люди, которые промышляют «белой» темой. И вы их знаете. В общем, решили сразу рубануть по узлу.

– Так...

Прохор сунул мобильный в карман, встал с дивана, подошел поближе и, скрестив руки на груди, принялся смотреть мне прямо в глаза. Взгляд его был как кинжал – пронзительный и острый.

А я не чувствовал ни страха, ни смущения. Чего бояться? Если каким-то чудом не грохнут сейчас – сделают это в самое ближайшее время. Теперь они знают, где меня искать. Сму-

щаться своего вранья – перед кем?! Перед мерзавцем, на котором клейма ставить негде? Не дождетесь...

– Попробуете определить, гон – не гон?

– Ага.

– И как?

– Да хер его знает... Ты вообще пацан в духе, с тобой непросто...

– Включите логику. Я вам перечислил три факта исполнения приговора по списку. Я в чем-то соврал? И вообще, какой смысл мне врать?

– Нет, врать-то смысл есть – жить захочешь, еще и не такое наврешь. Но вот факты...

Мля... Никогда не думал, что такая херня будет! У нас же, блин, демократия и все такое...

– Честно говоря, я тоже не поверил, когда в этот отдел позвали. Но знаете – времена меняются...

– Погоди, а ты че, намекаешь, что можешь посодействовать, если я тебя отпущу?

– Ну, в общем...

– Но ты же ничего не решаешь. Ты кто? Просто пехота, верно? Боссы сами никогда руки не марают.

– Да, я пехота. Но я со своими людьми разрабатываю каждый «объект», готовлю его и... эмм... довожу до конечного результата. А еще я могу подсказать, как избежать участи остальных.

– Не, а это че, типа, не разовая акция? Это че теперь – везде вот такая хрень будет?

– Через неделю Дума примет закон, который проскочит в первом же чтении. И – да, по этому закону вот такая хрень начнется везде. Причем в массовом порядке.

– Ну и как мне «откосить»?

– Если вы меня отпустите – это, безусловно, вам зачтется. Но только лишь за одно это вас не отпустят с миром.

– Да ты покороче – че делать надо?

– Надо как можно быстрее соскочить с «белого». А еще лучше – встретиться с моим руководством и заявить о намерениях. Типа – выхожу из белой темы, можете про меня забыть. Тогда вы лично мое ведомство интересоваться не будете вовсе.

– И где я найду твое руководство?

– Я могу организовать встречу. Если не доверяете – продумайте гарантии своей безопасности, выберите место на удобной вам территории.

– Ну, не знаю... – Прохор вернулся к дивану, сел и задумался. – Блин, как серпом по организму. Легко сказать – «Выйти из белой темы»... А у меня на этой теме, считай, вся база построена. Мало того, что лишусь семидесяти процентов дохода, так еще придется все перестраивать, перекраивать все отношения... А если ты меня сейчас динамишь и ни хрена этого не будет? Ты прикинь, каким дураком я буду выглядеть!

– Я сказал все, что знаю. Вам решать, как поступить. Не буду даже пробовать убеждать вас, но верю, что вы, как мудрый человек, примете правильное решение.

– А жить хочется, да?

– Странный вопрос!

– Это я насчет – «мудрый человек». А вроде мужиком держался.

– Да нет, это не комплимент – это констатация факта. Вор – это общепризнанная величина. Глупец или даже просто человек с ординарными способностями никогда не достигнет таких вершин.

– «Вершин»! – Прохор рассеянно усмехнулся. – Много ты знаешь про нас, юноша... Зураб, царствие небесное, был натуральным идиотом и психопатом. Завалив его, ты многим оказал большую услугу. Так что на будущее – не берись рассуждать, о чем не знаешь. И тогда не будет косяков.

– Спасибо за совет, но... не думаю, что он мне понадобится. Родичам Зураба на мое мнение наплевать, а после них я больше ни с кем беседовать не буду.

– Да, ты парень в духе... Короче, так. Отпустить тебя я не могу. Уже договорился насчет передачи. Если слово нарушу, можно сразу вскрываться. Вскрываться не хочу – ты мне не брат и даже не кореш.

– Ну что ж, извините... Зря потратил ваше время.

– Нет, не зря. – Прохор достал из кармана мое воззвание. – Это чей номер?

– Руководства.

– Ага... Сделаем так. Я сейчас тебя передам – это тут, недалеко, и позвоню вот по этому номеру. Сразу.

– Это будет поздно.

– Ни хера не поздно. Зураб на Котляковском похоронен. Тебя туда повезут. Это три часа езды. Вертолет у вас есть?

– В общем-то есть, но... А зачем – на кладбище?

– Ну как зачем? Шлепнуть тебя на могилке, – Прохор přátельски подмигнул мне. – Чтоб, значит, пролить на Зураба твою кровь и его душа успокоилась, почувствовала себя отомщенной.

– Блин, что за дикость...

– Да не скажи! – Прохор приятно улыбнулся. – Хороший обычай, мне нравится. В общем, у ваших будет три часа, чтобы тебя вызволить. Успеют – будешь мне должен. Поможешь откосить от этого списка. Не успеют – ну, значит, не судьба. Сам как-нибудь разберусь и не в таких запутках бывал...

– Вот не свезло... И вообще, почему его не в Питере похоронили? – вконец раскапризничался я. – Он же питерский!

– Он из московской «семьи», – терпеливо пояснил Прохор. – Короновали его здесь. А в Питере за районом «смотрел».

Да в курсе я, в курсе... Я вообще-то опером работаю, мне такие вещи по профилю положено знать – тем более о господине, которого пришлось исполнить самолично. Просто в такие минуты цепляешься за любую соломинку, ищешь любой повод, который может хотя бы ненадолго отдалить твой последний час. Согласитесь, Питер – это здорово! Сколько можно было бы еще пожить – пусть даже избитому до полусмерти...

– Вот же незадача... Так бы в Питер прокатились – вообще вагон времени.

– Да ладно, три часа тоже нормально.

– А пораньше никак нельзя?

– Никак. Черный Яр рядом, вдруг твои зашустрят не по-детски – еще мероприятие мне сорвут.

– Блин... А кто даст гарантию, что они меня раньше не шлепнут? Или что по дороге не будут резать меня на кусочки?

– Никто не даст, – Прохор согнал улыбку с лица. – И вообще, я сильно сомневаюсь, стоит ли мне звонить по этому номеру.

– Лучше бы вы меня отпустили, – обреченно вздохнув, буркнул я. – И тогда вы и ваши люди остались бы живы.

– Ха! – Прохор одобрительно покрутил головой и посмотрел на часы. – Молодец, люблю таких. Однако все: рамсы побоку, ехать надо...

* * *

Вы мне не поверите, но в царстве Прохора – владельца заводов, газет, пароходов – таки не нашлось даже самых заваливающих наручников. У любого извращенца они есть, а у такого

большого человека не оказалось: отвязав меня от кроватной спинки, крепыши тотчас же сковали мои запястья гибким велосипедным замком в нежно-голубой пластиковой оболочке и препроводили на заднее сиденье внедорожного «Мерседеса».

Велосипедный замок, поверьте на слово, – не самый лучший заменитель наручников, он жесткий, неудобный и негигиеничный. Руки тотчас же начали затекать.

– Для вас непринципиально – привезти меня грузинам с руками или без?

– А че такое?

– Кровоток перекрыли. Есть вариант довести не просто без рук, а и с инсультом.

– Ослабьте, – бросил Прохор крепышам, устроившимся на заднем сиденье по обе стороны от меня.

– Опасно, – усомнился тот, что по правую сторону. – Слабину дать – может освободиться.

– Ну так а на хера вы там сидите? Бойтесь – держите за руки.

Тот, что справа, немного ослабил замок, нервно вздохнул и развернулся ко мне вполоборота. То же самое сделал тот, что слева.

Правильно – бойтесь меня. И не важно, что мне не тягаться с вами в силе и сноровке и каждый из вас задавит меня за пять секунд. Я – истребитель воров, и баста.

Глупость, конечно, но под конец жизни начинаешь испытывать от этой натянутой и незаслуженной харизматичности какое-то нездоровое наслаждение.

– Спасибо.

– Не за что, – буркнул Прохор и кивнул водиле: – Поехали...

По дороге вор позвонил моему конвою, занимавшемуся оперативной «ментовской» работой, и потребовал доложить о результатах.

С момента отправки «опергруппы» не прошло и получаса, так что вопрос насчет результатов можно было рассматривать как откровенный глум. Получив вполне ожидаемый ответ, руководитель «оперативного штаба» незамедлительно выдал:

– Да при чем здесь время? Вам хоть сутки дай, толку все равно не будет. У вас еще пять минут. Если не найдете – сворачивайтесь и езжайте к Дмитровскому мосту. Подстрахуете на всякий случай.

У меня тут же возникло острое желание уточнить, что это может быть за случай, который требует подстраховки. Сами понимаете: недоделки, недоверие и разногласия в стане врагов – это подарок, от которого не стоит отказываться в любой ситуации. А уж в моей – тем более. Я уже начал было лихорадочно подбирать слова, чтобы покорректнее сформулировать вопрос, но Прохор, не покладая трубы, позвонил еще кому-то и, даже не удосужившись поздороваться, сообщил:

– Буду минут через пятнадцать. Вы где?.. Ну, вы даете! Ну и что – пробка! Летайте на вертолете, вы богатые... Понял... Ага, понял... Не, я понял – ты не переживай. Но все равно, поторопитесь, я там до полуночи ждать не буду. Кому, в натуре, это больше надо – вам или мне?.. Хорошо, я немного подожду. Давай поспешайте...

Я понял, с кем он говорил, и желание что-то уточнить мгновенно пропало. Какой смысл? Будь здесь сейчас хоть целая банда дипломированных психологов с мировым именем, им не удалось бы убедить Прохора не отдавать меня грузинам. Ну так и не стоит метаться: лучше попробовать расслабиться, отдохнуть и собраться с силами. Очень скоро они мне понадобятся...

* * *

Минут через пятнадцать впереди показалось Дмитровское шоссе и мост через небольшую речушку. Не доехав до шоссе метров сто пятьдесят, мы с нарушением правил встали на левой обочине проселка, левым же бортом к заросшему густой травой берегу.

Тихо. Мрачно. Безлюдно... Справа – лес, слева, далеко за речкой, просматриваются очертания многоэтажек, окна которых семафорят мне пожарными сполохами заката: *«А тебя, уе... ще, отвезут на кладбище! И устроят стрельбище, на грузинском капище...»*

Тьфу ты, всякая фигня в голову лезет! Хотя насчет капища – это вовсе не от фонаря. Наши катались к могиле Зураба – по делам (сам я не ездил, как-то все недосуг), подивились: вместо привычного креста или плиты – его статуя в два человеческих роста, и скульптурная группа из троих близких «пацанов», которых ему ненадолго посчастливилось пережить. И вроде бы даже все это безобразие ваял его именитый тезка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.